АЛЕКСАНДРА ПЕТРОГРАДСКАЯ



НЕФЕРТИТИ. В ПОИСКАХ СВЕТА

Александра Петроградская

Нефертити. В поисках света

«Автор»
2025

Петроградская А.

Нефертити. В поисках света / А. Петроградская — «Автор», 2025

«Прекрасная пришла» значит имя супруги Эхнатона, но откуда пришла она и к …чему? Почему для жены фараона столь важна была Клятва Верности мужу – и ради чего она побудила любимого нарушить ее? Какова роль Великой супруги в религиозных реформах фараона-Феникса? Как связаны с Нефертити жрецы многобожия и их козни, какое отношение имеет царская чета к Сфинксу, пирамидам и древнему богу Атону? И каких тайн касается автор, приобщая читателя к экстраординарным жизни и смерти легендарной пары? В романе Александры Петроградской главные герои ищут решения таких жизненно важных вопросов: какова роль человека в обществе, семьи в государстве, а последнего – в мироздании? И в чем счастье личности? И в наше время возрастания разногласий в том, что считать нормой нравственности и морали, очень важно уметь отойти от сиюминутных проблем и посмотреть на историю с дистанции, предлагаемой автором этого романа. Произведение рассчитано на аудиторию 16 +.

© Петроградская А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
1.РОЖДЕНИЕ ФЕНИКСА 6
2. ЗОЛОТОЙ ВЕК И ТАЙНА ЧИСЛА ИЗБРАННЫХ 16
3. ЯВЛЕНИЕ НЕФЕРТИТИ. КЛЯТВА ВЕРНОСТИ 25
4. В ПЛЕНУ АМЕНРЕСА 31
5. ТЬМА ЛАБИРИНТА 38
6. ЗОЛОТО ЛАБИРИНТА 44
7. ЯХМЕРИТА 50
8. ГОРОД ВЕЛИКОГО СТАРЦА 55
9. УР МАА ГОРАТОН 57
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Александра Петроградская
Нефертити. В поисках света

Исторический роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.РОЖДЕНИЕ ФЕНИКСА

Сезон засухи подходил к концу, и вся природа жаждала появление на горизонте звезды Сириус, означающей начало разлива Нила. Во дворце Малката, построенного Аменхотепом III в дар Великой супруге, будто бы, все шло своим чередом, и никто не страдал от нехватки воды и прочих напастей. Но тревожные новости всё-таки омрачали безмятежную жизнь правительственного класса, а государственная казна несла расходы на выдачу компенсаций пострадавшим семьям, потерявшим кормильца на реке в результате нападения обезумивших от жары хищников. Правда, тут не обходилось без преувеличений со стороны чиновников, ведущих выплаты несчастным. Но так было заведено еще с древних времен: одни теряли последнее, а другие преумножали нажитое, как бы подтверждая закон о сохранении энергии.

Но все же главным событием царского двора был ожидаемый приезд пышного кортежа из Вавилона с обещанной статуей богини Иштар. Красивая, сияющая нубийским золотом Мать богов, – покровительница семейного очага, приносящая счастье в любви и победу на войне, заступница своего народа, – обладала чудодейственной целительной силой. Царь Вавилона, отдавший фараону в младшие жёны уже не первую дочь, старался укрепить ненадёжный мир страны от дышащих в затылок воинственных соседей, заручившись поддержкой сильного Египта. И сейчас, услышав о болезни фараона, царь Герпулаштра направил караван с роскошными дарами, главной жемчужиной которых являлась богиня. Статуя отдавалась не навсегда, а лишь на время, пока не произойдет чудо исцеления.

Аменхотеп III испытывал большие проблемы со здоровьем. Сибаритский образ жизни, ведомый фараоном, не знал ограничений: диеты не соблюдались, а ночам, провиденным в гареме, не было убытка, несмотря на бесконечную любовь к Великой Супруге, кою слушал и коей подчинялся всецело. И, надо признать, любовь его имела основания. Помимо магической красоты, Тийя обладала дальновидным умом гениального политика, энергией и несгибаемой волей полководца на поле битвы. Но, как многие женщины, царица была любопытны и потому круг обязанностей ее постоянно ширился, что не давало скучать, когда любвеобильный супруг задерживался в постели очередной юной наложницы дольше обычного. Иногда, справедливости ради, она «не брезговала» и мелкими, на взгляд царедворцев, вопросами: рассмотрением жалоб сирот и выдачи пособий инвалидам войны. Помятуя о том, что от сумы да тюрьмы не зарекайся, она не часто выносила суровую меру наказаний обнаглевшим казнокрадам, и ограничивалась штрафными санкциями в виде солидных пожертвований в царскую казну. Но любимым занятием царицы являлось распутывание многочисленных сетей дворцовых интриг. И, к своему счастью, она трижды смогла избегнуть мучительной смерти, раскрыв злостные планы заговорщиков, жертвой которого должна была стать сама Великая супруга!

Фараон чуть не сошел с ума, когда узнал, что гибель грозила его любимой и несравненной. Он сурово расправился со злоумышленниками: искалеченные тела которых долго висели вниз головой на дворцовой стене, и стервятники терзали хищными клювами их жалкие останки, навевая тоску и ужас на проходящих мимо.

– Чтобы впредь – ни-ни! – говорил он, задыхаясь от негодования, заглядывая в глаза трепещущим от страха сановникам, их плодовитым женам и многочисленным детям.

О сердечной привязанности фараона к Великой супруге, как о чуде, ходили легенды. Чтобы повлиять на пер-аа, снискать его милость, первым делом обращались к ней. Ценные

подарки и пожертвования в ее личную сокровищницу при этом не знали предела в фантазиях. Но наиглавнейшим делом двух обожествленных еще при жизни супругов стала политика конфронтации с хему нечер бога Амона. Опасность соперничества с амбициозными жрецами будоражила кровь властолюбивой жены, и ее заветной мечтой было низведение с престола «этого выскочки» – заменив его древним Ра-Атоном – богом золотого века Египта, что выглядело отнюдь не сумасбродно, а вполне естественно и в духе времени, поскольку предшествующими фараонами XVIII династии в этом направлении уже были сделаны немалые шаги. Так, начиная с правления Тутмоса III, политика двоевластия в Уасет (Фивах) обострилась. Этому способствовал тот факт, что сокровища храмовой казны главного бога государства Амона, накопленные за три столетия, не уступали, а, быть может, даже превосходили фараоновы. Владение обширным хозяйством в виде плодородных земель, скотных и птичьих дворов, пекарен, пивоварен, ремесленных мастерских, ткацких фабрик и кузниц, и главное: Дома Золота – давало в руки Главного жреца несметное богатство и, почти, неограниченную власть.

– Этим хему нечер все мало! – негодовал Аменхотеп III.

– Стервятник Аменрес спит и видит, чтобы занять трон и надеть на бритый череп корону фараона! – возмущенно кивала Тийя.

И лишь в одном царица не могла повлиять на супруга: на его аппетит.

«Сегодня за завтраком Его величество съели два крупных яйца дикого ибиса в чесночном соусе, чайную тарелку нежного козьего сыра, полчашки вяленого на утреннем солнце винограда и политого сверху медом, добытого в садах Птаха. Далее, Они захотели проверить, хорош ли засол икры из рыбы, которая была поймана в дворцовом пруду Атона. Икра оказалась отменной, и царь с удовольствием скушали тонкую лепешку из пшеничной муки, доставленной из хранилищ храма Анубиса, имевшего обширные поля на земле живых. Фараон собственноручно взяли и покрыли прозрачную на свет лепешку толстым слоем коровьего масла, поставив сверху красную пирамидку икры. Лицо Их при этом выражало самое что ни на есть высокое удовольствие. Затем Его Высочество пили охлажденный гранатовый сок из высоких кубков, сделанных из золота, которое без устали поставляли люди с лазуритовым цветом кожи. Но пили Они уже в тени дворцовой сикоморы, куда были перенесены высокими слугами-ливийцами на золотых носилках, подаренных Его Превосходству царем Вавилона. Вдыхая ароматы цветов пышного сада, многократно усиленные за благодатные часы ночной прохлады, Они наслаждались миром».

Папирус сей начертал царский ибис Усерка, дабы передать его дворцовому медику Пентахе. Здоровье фараона доставляло близким много хлопот. Пер-аа страдал одышкой и обильным потоотделением. Несмотря на разные ухищрения по борьбе с недугом и сладкие воды полосканий, у Его величества случался неприятный запах изо рта. Большое количество и разнообразие сладких, жирных, пряных и острых блюд сделали тело фараона тучным и дряблым еще в молодые годы, и в дальнейшем негативный эффект только усиливался. Теперь он передвигался с заметным трудом, предпочитая паланкины для следования из одного зала в другой. Органы пищеварения работали вяло: бунтовала утомленная излишествами печень, заявляла о себе недвусмысленными коликами поджелудочная железа, время от времени образовывались нескромные камни в почках, причиняя фараону невыносимую боль. И как самоотверженно ни боролся с недугами лекарь царя по имени Пентаха, который, где травяными настоями, где древними заклинаниями превращал что-то в песок, что-то еще во что-то, освобождая от них тело страдальца, болезни постоянно возвращались. И даже сам мудрец Хеви в бессилии развел руками, признав недуг высочайшим произволением и испытанием на пути к вечности. Предрассветные часы фараона уже давно начинались с утомительной и унизительной для Его царского Величества процедуры – постановки клистира. Но более всего хлопот и мучений стареющему повелителю доставляли разрушающиеся больные зубы и связанные с этим воспаления и фистулы. Лет двадцать тому назад, ему хирургическим путем один за другим было удалено

восемь коренных зубов, не считая зубов мудрости. Но сейчас здоровье правителя серьезно ухудшилось.

Холеный и праздный, во всех делах полагающийся на жену, проводил он дневные часы лежа где-нибудь в тени акации или гранатового дерева, в окружении опахалоносцев и разной дворцовой челяди, услаждая душу нежными звуками флейт и мелодичным звучанием арф придворных музыкантов. Музыка, как тончайший вид искусства, трогала добрую душу пер-аа и оживляла в его памяти воспоминания молодости, когда он был стройным юношей с гладкой, словно китайский шелк, кожей. Слепые музыканты, лишенные зрения в детском возрасте для усиления музыкальных дарований, играли превосходно. Больше они ничего не могли делать. Ритуал, овеянный тайной, требовал жертв. Его Величество во многом следовал традициям, но иные наводили его на мысли о назревших в стране переменах, хотя бы и революционных.

«Бедные дети, – думал фараон, глядя на тихие задумчивые лица, – вынуждены ходить с вечными повязками на глазах и в вечной тьме. Я слышал о нескольких способах ослепления, и все драконьи. Подрезают верхние веки, заставляют часами смотреть на солнце или закапывают в глаза настой ядовитых трав. Эти несчастные были либо захвачены в плен, либо их продали собственные родители из-за нужды и горя.

– Рамхотеп, пойди в казну дворца и прикажи выдать музыкантам по золотому браслету. На оба запястья! Каждому. Скажи, что пер-аа весьма доволен исполнением, – смахнув набежавшую слезу, произнес он дрогнувшим голосом, обращаясь к писцу, сидевшему в приличествующей тому позе вблизи Его Величества.

А тем временем юные танцовщицы, единственной одеждой которых был золотой поясок на тонкой талии, порхали, подобно африканским бабочкам, радуя взор стареющего сердцееда.

Аменхотеп III, надо отдать должное, щедро меценатствовал в сферах искусства, особо покровительствуя идеям, связанным с возрождением древнего культа Атона, родиной которого считался город Великого Старца, расположенный на севере Египта. По инициативе фараона там было реставрировано и расширено святилище легендарного бога, назначен на должность главного жреца Ур маа Горатон, являвшийся старшим братом Великой супруги и было пожертвовано немало золота в казну служителей набирающего силу древнего бога Солнечного Диска. Все это не устраивало надменных хему нечер главного бога Амона, обитавшего в величественном храме блистательной столицы Уасет, называемой «стовратным градом», что раскинулся на восточном берегу Нила. Не устраивало так сильно, что они посмели упрекнуть Сына Бога в расточительности и дали почувствовать, что с их мнениями необходимо считаться в первую очередь, если Его Величество ценит жизнь несравненной царицы Тийи! Прямая и наглая угроза произвела эффект, и правитель Египта со всем двором переплыл на западный берег Нила в новый дворец, названный им «Сияние Атона», предусмотрительно построенный заранее, и с тех пор он вел жизнь, мало оглядываясь на то, что творилось на восточном берегу. Вседневно правитель был окружен не только государственными мужами, высокочтимыми сановниками и дипломатами из стран Востока или средиземноморского Крита, но и красивыми людьми обоего пола, придворными стихотворцами, подающими надежды архитекторами, талантливыми скульпторами, искусными портными, прославленными живописцами, задумчивыми мудрецами и вкрадчивыми ювелирами. В сверкающем роскошью дворце можно было встретить и купцов из заморских стран, и странных личностей, выдающих себя за великих паломников по святым местам, объехавших весь мир и могущих поведать много небывалого. Пророки различных вероисповеданий, таинственные маги с хмурым взглядом из-под нависших бровей, лекари, пропахшие жиром летучих мышей и прочей экзотической «прелестью», сутулые халдеи в плащах, расписанных звездами, с крючковатыми носами —ходили, сидели, смеялись, говорили, курили длинные трубки, пили вино и ели вкусные угощения щедрого фараона. И, конечно, там были светские красавицы в сопровождении их важных мужей и молодых воздыхателей.

Создав вокруг себя пестрое общество мыслителей, делателей и тонких дипломированных льстецов, Аменхотеп III вел войну со скукой и болезнями старости и закатывал пышные пиры по-египетски, то есть со свойственной тому восточной роскошью. Поэты читали фараону гимны в честь Его Величества – истинного Сына Атона, что питает любовью земли Египта и возводит дома богам – такие большие и прекрасные, каких до него никто не строил и каких не видел ничей глаз. Жрецы-богословы перелагали на свой лад мифы о сотворении мира и для большей убедительности показывали представления с участием множества актеров, декораций и музыкантов. Эти мистерии производили сильные впечатления персонажами, выступающими в самых различных и, нередко, пугающих масках. Однако, с театром жрецов активно соперничали маги, которые развлекали фараона виртуозными фокусами, приводящими в столбняк и трепет. Гусю, например, отрезали голову – и тот ходил без нее какое-то время, а после голову эту приставляли на место и давали несчастному есть и пить, что гусь и делал с завидным аппетитом на глазах у изумленных зрителей. Менее всего вызывали интерес прорицатели, предсказания которых несли на себе печать штампа: мор от эпидемий, кровавые войны в соседних странах… Кого можно удивить такими историями?

– И кто мог поверить, – размышлял фараон, глядя на себя в чудесную гладь бронзового зеркала, – что еще лет десять назад, во время царской охоты, следуя древней традиции, умелым метанием копья я сражал сотни львов и диких кабанов, не считая другой живности?

Десятки, сотни стел и памятников, оставленные Его Величеством в назидание потомкам, прославляли Аменхотепа III как сильного охотника, и фараон уверовал в правду исторических документов. Относительно спокойный период, выпавший на долю его правления, обеспечивали экономическая мощь и стабильный мир, последовавший в результате грандиозных войн, которые вели выдающиеся предшественники. Обширные колонии регулярно поставляли дань, и умелая торговля с ними умножала богатства страны. Египет стал могущественной империей, а Уасет – роскошным мегаполисом Древнего мира. Сокровища земли Кемет с ее странными многочисленными богами преумножали легенды. Таинственное золото атлантов, покоящееся в глубинах Лабиринта Аменемхета III привлекали к себе многих искателей приключений, к несчастью своему, пропавших без вести в его подземельях. Не давали покоя отчаянным головам и сказочная роскошь усыпальниц царских некрополей, которые, несмотря на охрану и жестокую расправу с пойманными преступниками, постоянно осквернялись: расхищались грабителями. Но миллионы предметов культа бессчетным богам из драгоценного металла в многочисленных храмах страны и Домах Золота оставались нетронутыми, как и наконец, сами дворцы ныне живущего фараона и его гарем! А что уж говорить о тайных богатствах визиря, министров, наместников номов и других сановников со всеми их семействами, со всеми далекими просторами их жилищ, изобилующими ювелирной роскошью, подчас нескромной и соперничающей с царской? Все это являлось стороннему взору воплощением мощи благоденствующего властителя.

Золото обильно текло в царскую казну и храмы богов, золото, собираемое по жилам и ручейкам кровеносной системы Обеих земель Египта. И по существовавшей традиции много золота шло как знак царской милости в награду за труды сановникам. А миллионный штат жрецов, совершающий ежедневные ритуалы? А бесчисленные армии слуг, обслуживающие храмовые пекарни, храмовые поля и угодья, большие и малые скотные дворы, птичники, кожевенные мастерские, мастерские художников и скульпторов Страны Запада и многое, многое другое, что требовало немалых затрат? И, наконец, регулярная армия Египта, отборные войска фараона! Сказочно богатый Египет порождал мифы, а фараон строил величественные дворцы и храмы по всей стране. Он высекал высоченные обелиски, которые волокли сотни слонов, упитанных быков и тысячи отборных мужей, собранных со всех концов земли и работающих совместно с захваченными в плен мускулистыми туземцами. Царь в традиционном соревновании с предшествующими фараонами воздвигал циклопические статуи в свою честь – в честь Сына

Солнца и Великой супруги, жены бога Атона (не Амона!), – устанавливал длинные шеренги сфинксов, имеющих его лицо, вдоль парадных дорог, ведущих в их дворцы и храмы. Но неистощимая царская щедрость знала один изъян – излишества бесконечного праздника жизни.

Владычица Обеих Земель царица Тийя была в самом деле очень красивой и мудрой женщиной, но не царского рода и не египетской крови. Злые языки утверждали, что отец ее еврей, а родители матери пришли из-за четвертого порога Нила – полу-дикарской Нубии, страны золота, колдунов, дешевых рабов и карликов. Родство с выходцами из последней сильнее наводило ужас, чем ядовитое презрение к первым. Но смешение кровей обоих в одном теле повергало в ступор горделивых жрецов Амона. Дело в том, что существовало древнее пророчество: Египту принесут большие страдания пришельцы, что давало повод разночтению.

– Фараона приворожили с помощью нубийской магии, – злобно шипели во Дворце другие.

Но лишь один Верховный жрец Амона по имени Аменрес догадывался об истинном положении дел и страшно боялся своей догадки…

– Златолюбивые евреи – тщеславные, но благоразумные, готовые приспособиться к любому режиму, разве могут они начать войну с нами, служителями культа Амона? Разве им не все равно: Амон или Атон, или другой, например, Осирис, возглавит пантеон богов Египта? С евреями во все времена, как показывала история, можно было договориться на языке золота. Чародеи Нубии – это враги посерьезнее. Именно они представляют нам истинную опасность в лице царицы Тийи. И действует она при мощной поддержке братьев. Мягкая душа фараона в руках этих музыкантов – послушная лира. Эйе – титулованный визирь – в Уасет, и Пророк Горатон – на севере. Вот они, весьма возможно, и есть бесстрашная кровь продавших душу богам преисподней! Есть очень древнее предание, по которому спасавшая свою жизнь от преследования местных жрецов элита основателей града Великого Старца, вынужденная тайно уйти из него, долго и успешно скрывалась в Мемфисе под видом жрецов бога Птаха, вызванного ими из тьмы небытия. Чудеса исцелений и высочайшее искусство каменотесов-зодчих, художников, скульпторов, а также жрецов, владеющих тайной прекрасного золота атлантов, склонило сердца египтян к ним, и пришельцам постепенно удалось создать вокруг себя ауру неприступности, свойственную истинным правоверным слугам Бога высокого класса. Но некоторые из них предпочли жизнь магов-одиночек и бежали за четвертый порог Нила, в пекло джунглей Нубии. Тела их потемнели под палящими лучами солнца, как и их души, и теперь эти, «вторые» потомки пришельцев, способны на все, чтобы отомстить нам – истинным жителям земли Кемет. Конечно, это легенда, которых много. Но, а вдруг все это чистая правда? – при этой мысли Аменрес невольно съеживался и уменьшался в росте.

Главный жрец предполагал в царице Тийе родство с очень древней династией основателей золотого века Египта, построивших на заре веков Сфинкса, пирамиды и святилища с десятками обелисков в городе Ра, бессмертный дух которого совершает ежедневный путь по небу в божественном теле Атона. Острой иглой прошивало насквозь сердце Аменреса такое родство. И еще он опасался, что и в теле главного архитектора Фив, жреца Хеви, тоже струится кровь потомков золотых пришельцев, и что он тоже участвует в сценарии давно ведомой войны Короны с Оракулом Амона. Но как далеко они зайдут на этот раз? И кто из двоих: сфинкс Ра-Горахути или овен Амона одержит верх в этой битве?

Аменхотеп III был осведомлен мудрой Тийей о верных догадках жреца. Но и он сам ощущал с детских лет узы родной крови. И то, что он встретил свою половину, свою судьбу в лице жены, ставшей Великой супругой, только укрепляло желание его сердца действовать вопреки указке Аменреса. Тому назад четырнадцать лет произошло это второе чудо. Первым было то, что Тийя – всего лишь дочь заведующего дворцовыми колесницами Иуйи и жри-

цей бога Мина Туйи, минуя дворцовую традицию, сразу получила статус Великой супруги. А вторым стало рождение будущего Аменхотепа IV. Весь двор уже и не надеялся на рождение царицей наследника. Правда, вспоминал фараон, был период, когда положение влиятельной Госпожи серьезно пошатнулось. Случилось это «с легкой руки» правителя Вавилона Гарпулаштры, в очередной раз возжелавшего кровно породниться с могучей египетской державой, и дворец гарема пополнила настоящая жемчужина Востока – принцесса Тадукипа. Красавица необыкновенная! Чудесные волосы цвета воронова крыла широкой волной хлынули к ногам очарованного фараона, укрыв волнующим шелком обнаженную фигурку, прекрасную, как тело самой богини Хатор. Так предстала юная невеста пред очами Аменхотепа III, знатока и ценителя женской красоты, и он сдался. Но страдающая от уколов ревности царица Тийя быстро нашла выход. Она поехала «развеяться» к родному брату в восстающий из руин город Великого Старца – к брату, носящему титул Верховного Провидца Ур маа.

– Прекрасен на небе солнечный диск Атон – зримая плоть Творца мира! Плоть, с которой после смерти воссоединится возрожденная душа ныне здравствующего фараона! – воскликнула она, встречая брата.

– Мир, здравие, процветание миллионы лет Аменхотепу III и царице Тийе! – ответил он на торжественное приветствие.

Великая Госпожа отсутствовала в разумных пределах. А царь, пресытившись ночными забавами с молодой куклой из Вавилона, стал явно скучать и даже послал за Тийей скороходов. И вскоре солнце фараона засияло: его возлюбленная вернулась на трон и на остывшее за время разлуки брачное ложе.

Царица Тийя, к злобному огорчению Аменреса, обладала не только практической мудростью, но и секретами магии дальнего предка, что делало ее неуязвимой для колдовских сетей жрецов бараноголового Оракула. Она не только разумно и властно правила пышной империей, умело договаривалась с жадными и нетерпеливыми соседями, любящими дружбу, построенную не только дипломатической тонкостью, но и умелой лестью в могучей оправе из золота и серебра. Она, зная до мелочей наклонности изнеженного супруга и в совершенстве владея наукой наслаждения, расчетливо двигала фигуры, смещая одних и внезапно возвышая других, преследуя свои, известные только ей цели. Ее смеха в залах Дворца боялись точно так же, как и ее гнева. Никто не мог предугадать настроения царицы относительно чего-либо и кого-либо.

– Но что не сделаешь для горячо любимого мужа? А тем паче – фараона? – нежно ворковала она ночью, обвив красивыми руками расслабленного любовными ласками Аменхотепа.

И второе чудо произошло: царица Тийя родила! И поползли о том противоречивые и взаимоисключающие слухи, и ползли они по тайным коридорам дворца из молитвенных покоев Сокровенного. И вот был созван величайший Совет для осмотра тела новорожденного престолонаследника, что являлось дворцовой традицией. Но было нечто неожиданное в облике младенца, что настораживало мать и негативно настроенного Аменреса. Неожиданной была форма головы: вытянутая в затылочной части далеко назад и напоминавшая финикийскую тыкву с одной стороны, а с другой – форму черепа Ур маа, брата Великой супруги, Пророка и жреца ненавидимого им бога Атона.

Царица ожидала приговор Совета с тревогой, надежно скрытой под совершенной маской спокойствия, торжествовавшей на умном лице.

– Проклятый Аменрес непременно будет настаивать на осмотре моей головы без парика. Но рыжеволосая царица даст жрецам Оракула окончательный повод считать ее самым опасным своим врагом, и, следовательно, моя жизнь усложнится и станет висеть на волоске? В волосах же кроется немалая часть моих чар. Обрив их, придется не снимать и ночью жаркие парики, чтобы не сверкать голым черепом на ложе страсти. Но волосы у меня растут быстро, и я смогу с легкостью ускорить этот процесс, – рассуждала, смеясь, она и принимала успокоительный настой.

На важную церемонию явилось много сведущих в различных сферах профессионалов своего дела. Ур маа Горатон – брат Тийи – прибыл из города Старца накануне родов, дабы своим присутствием поспособствовать благополучному исходу. Великий Провидец, осмотрев новорожденного, не мудрствуя лукаво, сразу назвал младенца истинным Сыном Ра, фараоном-Фениксом, явившимся в Египет «в то самое время»: в Великий год Сириуса, и предсказал неординарные деяния, которые прославят имя древнего бога Атона в веках. Ур маа также указал на наличие большого поэтического дара и его связь с высоким жребием, о коих свидетельствует особая форма черепа младенца. «Благодаря оному, – подчеркнул Горатон, – будущий фараон сможет слышать то, чему другие обучаются долгие годы».

Присутствующие почтительно переглянулись и выразительно посмотрели на тщательно бритую голову жреца, а затем перевели смущенные взгляды на сестру Пророка. Все, затаив дыхание, ожидали увидеть царицу без парика. Тийя вздохнула и позвала на помощь слуг. Собравшиеся мудрецы невольно ахнули, когда увидели Повелительницу без волос, но с доказательством фамильного сходства. Аменрес зло съежился: его худшие опасения подтвердились. А у Аменхотепа III вытянулось лицо, когда он увидал любимую лишенной ее роскошных волос, но слова Провидца ему понравились, и на душе фараона полегчало. Царица же победоносно улыбаясь, покинула собрание, чтобы восстановить прерванный послеродовой отдых и возлечь на ложе из кипарисового дерева, послав доверенного ибиса записать на папирусе поведение собравшихся лично для ее секретного архива.

Первое предсказание, да еще и от лица, носившего титул Великого Видящего (Ур маа), было настолько величественным, что все члены высокого Совета в почтении склонили мудрые головы. И лишь Аменрес позволил себе бросать желчные взгляды в сторону предмета исследований. Лицом похожий то ли на ястреба, то ли на ворона, жрец вызывал у окружения бессознательное чувство опасности, как от хищника, вышедшего на охоту. Ходило много слухов, связанных с внезапными смертями сановников, которые осмеливались открыто противодействовать Главному хему нечер бога Амона. Все с надеждой, ища защиты, посмотрели на визиря Эйе – одного из самых влиятельных людей в окружении государя. К нему прибегали и в поисках убежища от гнева Тийи, ведь он был ее вторым братом. Царский вельможа, человек с безупречной репутацией, пользующийся заслуженным доверием и снискавшим уважение даже у оппозиции, заметив реакцию жреца клонящегося к опале Оракула, выступил вперед и произнес следующее:

– Великая супруга Тийя – Да Будет Жить Она Миллионы Лет – помогла явиться на свет наследнику, имеющему мирное сердце поэта. И меня это радует. Наша страна достигла невиданного ранее успеха в искусстве процветать и править. И золото Египта, подобно сиянию богов Амона-Ра и бога Солнечного Диска Атона, не знает ущерба. Армия многочисленна и превосходно вооружена, и авторитет империи дает уверенность на продолжительный мир с соседними державами. Это я говорю не только как визирь, но и как опытный воин и начальник войск Его Величества. При таком положении дел будущий правитель имеет большие возможности для осуществления мирных его дарований, без ущерба хозяйству Обеих Земель Египта, – закончил Эйе и с величайшим достоинством отошел в сторону.

Далее слово взял известный халдей из Вавилона. Он успел составить гороскоп будущего фараона Аменхотепа IV, но медлил, явно волнуясь. Наконец астролог, шепелявя и заикаясь, молвил, что все прежде сказанное совпадает с его видением событий, и звезды благосклонны к гению мальчика. Но за великие милости-де надо платить. И в данном случае плата состоит в относительно непродолжительном сроке жизни будущего правителя.

Все присутствующие ахнули. А главный жрец Амона едва подавил в себе возглас радости. Тем не менее халдей, читая испуг на лицах, поспешил сгладить впечатление и, откашлявшись, изрек следующее:

– Его Величество успеют произвести на свет шестерых, нет, восьмерых детей и осуществят крупномасштабное строительство храмов. Смерть же фараона, не могу утаить, будет носить характер насильственный.

Последнее бедный предсказатель буквально прошептал в зловещей тишине. Головы всех непроизвольно повернулись в сторону Аменреса, который внезапно побледнел. Надо было взять слово без отступления. И он это сделал.

– Я считаю, исходя из личного опыта, что поэтические натуры излишне эмоциональны. Волны мимолетной радости у них сменяются состояниями мрачной депрессии, длящейся неделями, а то и месяцами. Фараон с таким даром может натворить много зол. Как во внешней политике, так и внутри державы!

Слова жреца, будто тяжелые камни, падали в души слушающих. Это был вызов. Это было невероятно дерзко. Это, почувствовали все, неминуемо влекло к окончательному разрыву царствующего дома с высоко вознесшим главу служителем столичного культа. Тяжелую паузу окончил зодчий Хеви. Его благородному облику все обрадованно заулыбались. Он был величайшим мудрецом, каких только знавала земля Египта. Начав карьерное восхождение со скромной должности писца, Хеви достиг славы зодчего грандиозным строительством столичных дворцов и храмов. Настоящей жемчужиной среди них стал величайший храмовый комплекс в Луксоре, собирающий на молитву верующих паломников из многих стран. Но гений архитектора не ограничивался созданием святилища из камня. Куда больше волновал его космос человеческой души! Под руководством Хеви был завершен многовековой труд над египетской «Книгой Мертвых», удвоив список знаменитой Исповеди Отрицания, ставшей на века высочайшим нравственным Кодексом, Законом Души, гарантом бессмертия благочестивой души любого сословия и счастливой участи в загробном мире.

Помимо перечисленных благ, мудрец «слышал воду» и мог вызвать ее из раскаленной почвы пустыни. Хеви путешествовал в прошлое и видел картины будущего. Он разгадывал сны и читал судьбы, стоило ему лишь посмотреть в глаза человека. К тому же он был чудо-лекарем, величайшим целителем и знатоком многих недугов, каковые живут в телах на земле, в воде, в четырех ветрах, адских безднах, обитают на звездах и прячутся в глубинах души человеческой. Он знал, что одни болезни можно лечить цветами, другие – листьями, а третьи – с помощью корней растений. Он слышал музыку здоровых и больных органов. Он также знал, что многие хвори являются бóльшими учителями, чем годы казенных учений в жреческих храмах тому, кто заплутал на дорогах жизни. Он различал хвори, ведущие к смерти души, и узнавал с первого взгляда мелких воров и крупных казнокрадов, взяточников и продажных судей, кровожадных убийц и одержимых демонами жестоких насильников. Он также видел посмертное страдание душ, запоздалое раскаяние и бессильную злобу навсегда падших. Мудрец знал, что одних лечит вовремя сказанное слово, других – вознесенная молитва о прощении грешника, третьих – острый нож хирурга, а четвертых – только виселица и постыдная казнь. В просторном его дворце, спроектированном самим зодчим, была собрана обширная библиотека древних свитков с иероглифическими текстами разнообразной тематики, анатомическими рисунками и строительными чертежами. Во многих комнатах имелись прекрасные росписи и предметы роскоши, но мудрый Хеви предпочитал обстановке пышности простоту своего кабинета. «Минимум быта – хороший друг воображения и отличный страж человеческого сердца, склонного распаляться красотой внешней». И, наконец, были случаи воскрешения из мертвых! Сам Главный жрец бога Амона стал свидетелем чуда: утонувшему в Ниле отроку было возвращено дыхание жизни после произнесенных Хеви заклинаний над уже посиневшим трупом. В общем, это был строгий аскет. Люди считали его живым богом и просили заступнических молитв, что не могло не вызвать лютой зависти у жреца столичного Оракула, считавшего, что Хеви достиг всего благодаря могуществу древних талисманов!

Крест мудреца Анх, как сообщали тайные архивы храма Амона и устное предание, скрывал в себе кристалл пришельцев-основателей. Аменрес долго следил за старцем и однажды увидел сквозь одежду Хеви огненный блеск. Это придало уверенности властолюбивому уму идти дальше в своем расследовании. Но помимо Анха, был еще древний перстень – возможно, первого пророка Птаха, носимый старцем постоянно. Главный жрец четверки Амона поклялся себе, что талисманы будут принадлежать ему во что бы то ни стало. Завладев сознанием, мечта эта превратилась в страстную одержимость. В обладании древними реликвиями, хранящими силу, удачу и славу их владельцев, Аменрес видел ключ к успеху своих чаяний, куда в первую очередь входило узурпировать трон Египта, посадив на него династию жреца. Фараону при новом раскладе отводилась роль завоевателя, увеличивающего в бесконечных военных походах территорию Египта и казну столичного бога – казну Аменреса. Проведение социальных реформ, улучшающих качество жизни народа, жрецом не рассматривалось. Разве что установление новых налогов на природные источники, повышение судейских пошлин и размеров обязательных пожертвований на храмы, да ужесточение рекрутских наборов. Главный жрец успел сделать многое. Оракул Амона уже почти надел на себя корону Двух Земель Объединенных, но тут появилась царица Тийя! А ныне этот уродливый младенец-наследник обещает стать новой и непростой преградой на пути его планов.

От Хеви не укрылись мысли Аменреса, но он не показал вида. Напротив, голосом тихим и ровным, обращая к каждому взгляд внимательных глаз, мудрец ответил на выпад:

– Поэтические натуры сверхчувствительны и потому ранимы. Но нельзя не принимать факт благотворного воспитания и роль наставников будущего фараона. Обряды и очистительные ритуалы, годы, посвященные изучению мудрости веков, время досуга, отданное обучению игре на музыкальных инструментах – гармонизаторах души, – и многое другое, взятое вместе, помогут в снятии напряжения и усталости, коих опасаются некоторые и от коих не застраховано ни одно лицо, живущее на земле. Самодисциплина и самоконтроль – блага приобретенные – создадут фундамент для сильной личности, призванной повелевать, принимать самостоятельные решения и в то же время проявлять разумное терпение, выслушивая советы близкого круга доброжелателей. И, самое важное, наследник – избранный Сын Ра! Папирус Имхотепа говорит, что грядет Время Феникса, великий Год Сотиса, когда миру положено начало цвести заново! По моим вычислениям год рождения наследника совпадает с древним пророчеством.

Хеви опустил веки и отошел в сторону, давая понять, что его речь закончена. По дворцу пронесся вздох восхищения. И лишь Аменрес завращал глазами, пылая гневом. Он уже мысленно видел новорожденного лежащим в луже собственной крови, царицу Тийю – опозоренной или отравленной, пророка Горатона убитым, а Хеви – лишенным его амулетов. Титул избранного его взволновал, и значимость того надо было развенчать любой ценой. В своей гневной речи, последовавшей за тихим выступлением Хеви, Аменрес попытался настоять на том, что предсказанная здесь мирная политика фараона нежелательна в стране, которая лишь путем упорных кровопролитных войн освободилась от столетнего рабства несносных гиксосов и достигла большого мира и процветания, и что угроза мирной жизни может возникнуть внезапно.

– Фараон, подверженный поэтическим фантазиям, способен привести Египет к гибели! – на последней фразе Аменрес уже перешел в крик и, оборвав речь, ни на кого не глядя и не прощаясь, развернулся и поспешил прочь. В наступившей тишине были долго слышны шаги человека, пришедшего в ярость.

– Как много времени прошло, – вздохнул Аменхотеп III, обращаясь к внезапно появившейся царице Тийе. – Мой сын вырос и готов к тому, чтобы стать соправителем отца и взойти на трон. Избранный Феникс! Как же, как же. Помню и верю. Сейчас они с Хеви плывут по Нилу. Путешествие к древнему Оракулу – отличный дипломатический шаг. Прадед Аменхо-

теп Второй и его дед ТутмосIV получили благословение на счастливое царствование из уст Владыки Вечности – и страна ни разу не пожалела о том. Четырнадцать лет миновало с того дня, как родился наш наследник, и как я убрал с должности гордого Аменреса, лишив всех его регалий. Говорят, что опальный жрец укрывается в окрестностях Мемфиса, будто бы он пристроился в некрополе Саккары и там, слышал я, замышляет недоброе против короны. Слышал я также, что и нынешний наш жрец Амона Панеркам получает скверные вести с севера. В Уасет становится душно от черной магии жрецов Хонсу и бараноголового. Даже нам, живущим на западных землях! – делился мыслями с супругой больной царь. – Что-то откроет мальчику древний Ра-Горахути? Надеюсь, Хеви правильно истолкует вещий сон наследника, – заключил он с надеждой.

Фараон поморщился, застонав от зубной боли, и посмотрел на Тийю. Он любил Ее Величество теперь даже сильнее прежнего и всегда испытывал вину, возвращаясь к любимой супруге после очередной ночи, проведенной в гареме. Царица была по-прежнему хороша необыкновенно, разве что немного пополнела в фигуре, да в уголках глаз ее появилась легкая сеть морщинок, которые возникают у часто улыбающихся женщин.

– От судьбы уйти невозможно: ни простым смертным, ни Сыну Атона! – изрекла тоном оракула Великая Госпожа Двух Земель Египта.

– Статуя богини Иштар прибыла из Вавилона и ждет Ваши Высочества в Тронном зале, – радостным голосом возвестил статный и румяный Эйе, входя в благоуханную тень сада. «Отец боа», визирь Египта, генерал колесничих войск и писец царя, «Тот, Кто стоит по правую руку Его Величества», второй и младший родной брат царицы Тийи.

2. ЗОЛОТОЙ ВЕК И ТАЙНА ЧИСЛА ИЗБРАННЫХ

Когда корабль наследника «Блеск Атона» после десятидневного плавания по Нилу пристал к пустынному берегу Долины Мертвых, то Единый в облике Атума, из слез коего родились люди, а из душистого пота – первые боги, уже скрылся за горизонт.

Паломничество престолонаследника к Оракулу древнего царства в XVIII династии окончательно приняло характер традиции. Это была демонстрация намерений фараона, главной целью которых являлось возрождения сильной власти Сынов Солнца. Возврат к вере эпохи «строителей пирамид» начался с легкой руки Тутмоса III, и с той поры Сфинкс – великий символ древнего Ра-Горахути, а не золотой идол бога Амона, решал участь царевича, почтившего его визитом и щедрыми подношениями. Небесное покровительство и земное царство в удел получал наследный принц от Сфинкса в вещем сне, а затем тот становился наяву титулованным Сыном Бога на троне.

– Предание, согласно которому из жалости и сострадания к людям спустился по небесной тропе громадный Лев с лицом Человека и стал первым царем Египта, давшим его народу мудрый Закон и установившим на земле справедливый порядок Маат в государстве, в котором каждый человек знает свое место, каждый имеет в сердце память смертную и приносит пожертвования в храмы, а правитель, будучи посредником между Богом и людьми, служит гарантом изобилия и защитником слабого от произвола сильного – хранят летописи жрецов Града Великого Старца. Это красивое предание о статуе Сфинкса, установленной на месте, где произошло чудо, положило основание традиции паломничества к древней святыне для разрешения многих вопросов и проблем. В том числе и по вопросу о судьбе престолонаследования, – говорил Хеви принцу, а тот смотрел на него мечтательным взором больших глаз.

Будущий наследник получил отличное образование. До восьми лет он жил во дворце «Сияние Атона», где его воспитанием заведовала сама царица и те, кого она сочла достойными этой высокой чести. Когда же его возраст перевалил за мистическое число, являвшееся символом вечности, он с благословения божественных родителей уплыл вниз по Нилу в Мемфис и более четырех лет жил в просторном и сумрачном доме главного жреца бога Птаха. Там он, к великой своей радости, смог соприкоснуться с некоторыми тайными знаниями, смог участвовать в ритуалах, увидеть своими глазами хрупкие папирусы с древними иероглифами страшных заклинаний и благородных, но малопонятных гимнов в честь Создателя вселенной и покровителя людей искусства. Но еще много тайн, как он понял, ему предстоит открыть для себя и потому принц внимательно слушал рассказы Учител, стараясь все запомнить.

– Сердца людей мало изменились с далеких времен. Как теперь, так и тогда, жаждали многие более могущества власти и золота, чем доброе сердце и чистую совесть. В своих желаниях они начали нарушать Закон, установленный Человеко-Львом. Оскорбленный, он оставил трон без наследника и исчез таинственным образом. И погребли заживо души людей тьма и отчаяние, и многие из них умерли от постигших страну небывалого мора, эпидемий, войн и землетрясений. Плач и стоны стояли по всей долине Нила. Некому было сеять пшеницу, некому убирать урожай, некому приносить жертвы в храмы. Испугались оставшиеся в живых и взмолились со всем остатком благочестия жалких сердец своих. И о чудо! Будто вняв искренним молитвам, явились в Египте статные иноземцы с огненными волосами и телами из чистого золота. Они накормили хлебом и вылечили оставшихся в живых египтян. Затем пришельцы зажгли жертвенные огни вокруг горы, частично уцелевшей от той, на которой когда-то обитал в своем дворце Человеколев, и принялись дробить и крошить камень горы. Так возник большой Сфинкс, обращенный лицом в сторону восхода, а затем рядом с гигантом вырос и его храм. И с тех пор прекратились в стране всяческие беды, и земля вновь стала давать урожай. И возрадовались люди, и единодушно уверовали в доброго Бога и стали приносить Ему

щедрые жертвы благодарения. Незнакомцы же, назвавшие себя атлантами, тайно, в недрах земли, построили святилище, являвшееся копией верхнего, в котором сокрыли они драгоценные реликвии. Только посвященные могли войти в подземный храм, строго охраняемый стражами жреческой армии. И жители, объятые священным ужасом, решили, что там находится захоронение Бога, – и благоговение их душ возросло. А когда их взору предстали три пирамиды, ослепительно сверкавшие будто алмазными гранями и горящими точно три солнца золотыми вершинами пирамидионов, то слава и сила пришельцев стала греметь во всех концах земли. И настал в Египте его Золотой век! Люди овладевали различными профессиями, трудились с радостью, жили долго и ели сытно. Болезни лечились, дети обучались грамоте и закону Божьему. И воцарился на земле порядок, уважение к властям и любовь в семьях. Но многочисленные жрецы и колдуны, населявшие в те далекие времена плодородные берега Нила, возревновали, разгневались и объявили войну красивым атлантам, чьи тела были золотыми, а волосы – цвета спелой пшеницы и плодов граната. Завистливые и злые сердца их отвергли Бога, явившего свою милость народам Нила во второй раз! И пошли они войной на город атлантов, получивший позднее имя Великого Старца. Но возмездие не заставило себя ждать. Небо вдруг стало дырявым и хлынули воды, и утонуло в них много людей и зверей, и царство мертвых воспраздновало великую жатву. Сфинкс уцелел в водах потопа, но с тех пор уста его молчат, а сердце хранит тайну и посвящает в нее немногих избранных!

Такую историю поведал зодчий Хеви впечатлительному принцу, когда они мирно беседовали, плывя по водам Нила.

Изящный корабль наследника «Блеск Атона» в сопровождении десяти крепких суден с отрядами телохранителей и пятью тяжелыми баржами с разной снедью и жертвенными дарами, успешно пришвартовались к каменному причалу Города Мертвых. Пустыня встретила паломников широкой и хорошо сохранившейся дорогой. Проложенная каменщиками фараонов из прочных известняковых плит, пересекала она пески и вела к пирамидам, когда-то сверкавшим золотыми вершинами, к стоящим впереди заупокойным храмам, в окружении усыпальниц цариц и царских детей, успевшим в большинстве своем стать достоянием безбожных грабителей.

Небо быстро темнело и на нем показались огни созвездий Большой и Малой Медведиц и ярко загорелись светильники неподвижных Полярных звезд. Глядя на пояс Ориона, наследник вспомнил бога Осириса, обреченного судьбой на трагическую смерть и возрождение в роли великого Судьи Мертвых.

– Не будь у него умной Исиды, остался бы он истлевать кусками мертвой плоти, а фараоны стали бы вести родословную от братоубийцы-Сета. Где вымысел, а где правда? – размышлял наследник. – Или в самом деле: у богов плоть из золота, кости из серебра, а волосы из лазурита? Какие секреты хранят древние папирусы храма Атона и его пророк Ур маа Горатон?

Принц тревожно вздохнул и перевел пристальный взгляд на жертвенный крест могучего семейства звезд под именем Лебедь. И чем более он смотрел, тем скорее небо начинало походить на мерцание драгоценных камней в сокровищницах его отца. Он не желал себе признаться, но боялся встречи со Стражем пустыни.

– А вдруг я узнаю не то, что хотело бы мое сердце?

Гигантский каменный лев с лицом человека встречал гостей, отрешенно глядя в бесконечные просторы космоса. Ученик и его Учитель, торжественно несомые на паланкине, миновали два полуразрушенных храма, расположенных у изваяния древнего Бога и благополучно сошли на землю. Воины зажгли факелы. Стало страшно. В сгустившемся ночном мраке высветился лик гиганта. Наследник по имени Аменхотеп, а сокращенно: Амен, невольно содрогнулся, испытав чувство всепроникающего ужаса пред величием образа и тайной, создавшей его. Учитель поднял в знак приветствия обе руки ладонями вверх. Принц последовал за ним.

Двенадцать молодых жрецов, в полном безмолвии, вынесли двенадцать жертвенников и установили их на земле вокруг алтарного камня, наполовину засыпанного песками, расположенного посреди громадных лап. Наследник возложил пышные дары и возжег огонь. Облака благовоний устремились вверх, окутав фигуру Сфинкса забытыми ароматами ладана, смирны и кедровой смолы.

Хеви обратил лицо к образу властелина, ожившему в дыму праздничных жертв, и возгласил:

– Да будет здрав и целостен Бог Вселенной! Да дарует Он милость Аменхотепу – сыну правящего фараона Аменхотепа III, принесшему жертвы Благодарения! Уста Сына неустанно творят хвалу Творцу неба и земли, а сердце Сына послушно закону вечности. Следуя путями праведными, обязуется Сын божественного Отца-фараона плыть по водам времени к источнику Рождения мира – Дому Сияния Миллионы Лет, чтобы очистить сердце свое и сердце народа Египта светом Учения Единого, пребывающего от начала времен в имени Ра-Хорахти-Атум в теле Его Атон.

Хеви умолк.

– Я почувствовал связь, Учитель. Сфинкс будто узнал меня, – еле слышно произнес пораженный юноша. Хеви успокоительно опустил руку на вздрагивающие в волнении плечи Ученика.

– Я расскажу историю Твоему Величеству, которую хранил до сроков, – тихо начал он, глядя на залитое слезами лицо юноши. – Приготовь свое сердце, мой друг, сделай его устойчивым.

Слуги поднесли два нарядных кресла из черного кипарисового дерева, щедро покрытых листовым золотом и вставками из цветной эмали. Учитель и ученик, одетые в белое, удобно расположились в них и, утолив жажду из стеклянных кубков, услужливо поданных на подносе, начали очередной урок истории.

– Когда-то на заре веков воздушный корабль с четырьмя жрецами и двумя жрицами в недрах своих, точно белое облако, опустился на вершину горы громадного острова. Это была просторная земля, где многие живописные долины чередовались с покрытой густыми лесами цепью гор, со склонов которых, шумя и пенясь, ниспадали водопады и стремились вниз реки кристально чистой воды.

– Корабль «Атланта», мы – атланты, а остров – Атлантида! – воскликнул Атала. Он был главным среди членов экипажа. Никто из коллег не стал ему возражать. Все они были молодыми и горели желанием приступить к осуществлению важного дела, ради которого покинули далекую родину.

Вокруг гигантского острова жил мировой старец-океан. Он любил игры и с ревом разбивал пенные волны о скалистые бухты и с яростью голодного зверя глодал пустынные берега. В глухих чащах стройные антилопы опасливо жили по соседству с саблезубыми тиграми, львами и прочим зверьем. Аборигены представляли собой воинственные и враждующие племена мускулистых людей со смуглым цветом кожи и темными вьющимися волосами. Они занимались преимущественно рыболовством и охотой; верили во всевозможных духов и в главного бога океана – Посейдона. Верования их носили характер жертвоприношений, в том числе и человеческих. Во главе каждого племени стояли вождь-воин и главный жрец. Набеги с целью обогащения и захвата пленных в качестве рабов и жертв Посейдону носили регулярный характер. И в результате такого порядка численность островитян начала падать, а эпидемии лихорадки уносили в страну духов подчас более половины жителей всего острова.

Атланты буквально сошли с неба: как боги-избавители! Необычные костюмы, высокий рост, светлая кожа и волосы цвета пламени поразили наивные сердца аборигенов. А когда в руках Аталы, выделявшегося особой красотой, оказался огненный, точно молния, жезл, то ста-

тус бога и царя всего острова далее только упрочивался. Но столкновение с местными жрецами неминуемо произошло и не в пользу последних. С того времени местные культы, особенно кровавый обряд жертвоприношений Посейдону, встали под запрет и к общей радости простых островитян. Конечно, староверы и колдуны не сдавались и продолжали ворожбу, скрываясь в дремучих лесах и болотах, но были преследуемы.

Членами древнейшего космического Братства «Солнечное Око» считали себя прибывшие на серебристом корабле-звездолете, а своей задачей ставили создание на планете Земля духовного центра нравственного и культурного просветительства. Однако атланты были не единственными среди братьев, кто исполнял роль богов и учителей человечества, живущего по закону зверя. К тому времени возникло несколько таких центров с оригинальными сценариями.

Открою сразу: грандиозная космическая история имеет главной своей целью набрать некое сакральное число душ. Оно и только оно войдет в нетленный покой Отца Веков. Но имеются силы, активно противостоящие сему плану. В высокой драме, разыгравшейся между Отцом, Его творением и Обетом Сына Его Возлюбленного, участвует весь Космос. Но часть творения взбунтовалась против воли Родителя и выступила на стороне одного строптивого Сына. Отец Веков назвал Время, в которое до́лжно успеть созреть числу вечности. После чего противники Обетного числа будут уничтожены. Их имена различны. В мирах эфира они живут и носят условное имя деструкторов или демонов, или духов тьмы. Родина их – бездна черных солнц вселенной. Незаметные глазу, бесплотные тела деструкторов проникают в тонкие оболочки души человека и деформируют ее, задерживая духовный рост, а если им не оказывать сопротивление, убивают медленной и мучительной смертью. Подвержены такой порче прежде всего люди с преобладающими в них эмоциями гнева, зависти и злобной ненависти. Подцепив вирус деструкторов, они все более деградируют сами и усложняют жизнь окружающим.

– Хеви, злые духи есть дети Сета рыжеволосого, который убил Осириса? – предположил наследный принц, и зловещая улыбка скользнула по его полным, красиво очерченным губам.

– Не совсем так. Осирис и Сет – посланцы с Ориона. Они пришли на землю Египта позже, не путай и не перебивай меня, – спокойно возразил Учитель.

– Я хочу видеть папирус Ур маа. Мне не дает покоя вопрос о золотой плоти богов Исиды, Осириса и его сподвижников! Теперь к ним прибавился Золотой Человеколев допотопных времен и тайна числа. Ты знаешь ответ, Хеви? Скажи, это – метафора или в самом деле: боги сотворены из драгоценных металлов, нетленные из нетленного, нелюди, спустившиеся с небес к нам, чтобы царствовать и повелевать? Золото не ржавеет, но оно не может говорить, двигаться. Оно —не живое. Я хочу знать. Помоги мне избавиться от наваждений! – Амен встал. Он глубоко дышал. Воцарилось тягостное молчание.

– Ответь, Хеви, я повелеваю тебе, Учитель! – потребовал сын фараона с угрозой в голосе.

– Истина, открытая до времени, лишает человека чувства волшебного и прекрасного, – спокойно возразил великий зодчий. – Истину нужно добывать в поте лица, трудиться, мой мальчик. Нужно пройти испытания и быть достойным величайшего. На самом деле жизнь людей на земле подобна жизни сокола: он более всего любит ясные и пустые просторы небес, предпочитая их пышному разнообразию долины Нила по двум причинам. И одна из них раскрывает тайну его второй природы: с высоты лучше видна жертва, которую царственный хищник должен лишить дыхания жизни, чтобы его собственная жизнь получила силу. Человек, имея душу, стремится к всевышнему, но тело его из праха и прахом станет.

Наследник окаменело слушал, уставясь в лицо Сфинкса.

– Мне нужен папирус, а не голые слова! С человеческой природой все ясно. Но – боги, кто они? Выдумка жрецов, как и все мифы о сотворении мира, такие разные в каждом номе? – в крайнем смятении души потребовал Амен немедленного ответа.

– Завтра, на рассвете, мы отправимся в город Великого Старца, и Твое Величество посетит древнее святилище, его святая святых. Если, конечно, не станет требовать от жизни все и сразу, – улыбнулся загадочно Хеви.

Ученик перевел взгляд на зодчего и тот продолжил повествование.

– Но давай вернемся к прекрасному началу нашей истории про атлантов.

«Итак, местные жители – охотники и рыболовы – встретили пришельцев торжественным испугом, отразившимся на их лицах. Никакой агрессии при встрече с богами, каковыми они восприняли атлантов, зафиксировано не было. Экипаж из шести «божеств» с командой из двадцати человек персонала, прибывших с ними, расчистили вершину горы, сделав ее местом своего пребывания. В кратчайшие сроки и с помощью совершенной техники были построены дворец и храм, и далее начались работы по созданию большой Пирамиды и Обелиска».

Хеви утвердительно кивнул принцу.

– Да, эти три пирамиды, которые мы видим сейчас, являются возрожденными аналогами пирамид атлантов. Форма из четырех треугольников, устремленных к единой вершине, идеально являет идею искомого числа. Ты понимаешь, о чем я?

Наследник молча кивнул.

«Итак, пользуясь межгалактическими туннелями, «Атланта» беспрепятственно прибыла на выбранное заранее место, доставив с далекой родины много важного материала, без чего развитие культуры и рождение из многих племен единого народа невозможно. Братья, обладая высокими и разнообразными знаниями, начали систематически учить аборигенов, и те, за считанные земные годы, превратились в настоящих зиждителей королевства атлантов. Золотой треугольник Пирамиды и высокий Обелиск со сверкающими алмазными сферами на их вершинах были видны издалека и стали символом процветания мужающего народа.

Климат на острове был благоприятным для занятия земледелием, а земля – плодородной. Леса населяли разные звери, а озера и реки имели в изобилии рыбу. Расчищенная и вспаханная почва, засеянная зерном пшеницы, привезенной братьями с далекой родины, дала богатый урожай, – и в рацион жителей вошел хлеб. В горах были обнаружены настоящие золотые жилы, серебряные руды и драгоценные породы кварца, служащего мощными накопителями энергии. Природные богатства позволили государству атлантов вести самостоятельную, независимую жизнь. Однажды, при большом стечении народа, был оглашен Закон страны, найденный всеми справедливейшим. Права и обязанности в нем были разумно распределены. Составленный Календарь трудовых будней и новых народных праздников, привнесенными атлантами взамен упраздненным, упорядочил вольную жизнь островитян и образовал общество.

Но не сразу все, как я говорил ранее, согласились ограничить свою свободу. Приходилось воевать, пуская в ход чудодейственную силу жезла царя Аталы. Не раз впоследствии народ атлантов, ведя войны с «людьми моря», которые привыкли ранее использовать остров как легкодоступный привал в своих путешествиях, одерживал решающие победы с помощью молний волшебного жезла царя. И вскоре атланты прославились как бесстрашные воины. В стремлении завести дружбу и военную поддержку атлантов, многие народы отправляли на остров корабли, нагруженные богатыми дарами и с высокочтимыми послами на борту. Постепенно в стране выросли крупные города с местными органами регулирования. В экономике торжествовал натуральный обмен – хороший стимул для ведения хозяйства, и он просуществовал на острове долго.

Религия атлантов носила простой и вместе с тем возвышенный характер. Бог Солнца Ата – возлюбленный Сын, давший Обет Отцу Веков, – правил миром людей. Принимая облик царя и царицы, приходил регулярно Бог Ата на землю, чтобы люди земли не забывали о главной цели своего рождения. Им, как участникам великой драмы, учил Атала, необходимо переплыть Реку жизни, закалить сердца в борьбе с силами мрака и, воспитав души свои согласно закону

Любви, стать солнечными душами, чтобы вернуться в родную отчизну – Дом Сияния Отца Веков.

Так, вершина острова, где днем и ночью горели огни алтарей Обелиска и Храма Аты, где совершался ежедневный культ славословий, где творились жертвы благодарений и где ежегодно устраивались праздничные мистерии Посвящений, стала священной землей, привлекающей паломников со всех концов света. Вера в Бога Царской Семьи – Солнце Ату – постепенно завоевывала сердца людей, проживающих далеко за пределами Атлантиды.

Атланты радовались жизни. Они в большинстве были законопослушными, и крупных преступлений на острове вначале было немного. Участь преступника решал царь Атала. Смертная казнь у атлантов долго была редким явлением, но в конце концов, по просьбе народа, появилась Башня Заточения, где виновные, в качестве сурового наказания, жили, лишенные свободы и в полной изоляции. Башня эта высотой уступала Звездной Башне, с крыши которой вели наблюдения за ночным небом жрецы и где горел огонь маяка, чтобы корабли, бороздившие просторы океана, не потерпели крушения, налетев во тьме на скалы и рифы острова.

Но однажды все же случилась плохая история, и пролилась кровь братьев! У правителя атлантов был брат-близнец Кара. Оба они любили одну женщину – жену Аталы, красавицу Гааллу. Только Кара любил ее тайно и страдал. И мучимый безответным чувством, Кара убил Гааллу и своего удачливого брата Аталу. Все трое погибли. Тела царя и царицы забальзамировали и положили в единый саркофаг. Золотое сердце Аталы, как называли атланты сердце царя, перестало биться в числе живых. Но престол Аталы унаследовал его шестнадцатилетний сын Дионис, который достойно продолжил дело отца».

Хеви умолк. Лицо мудреца, выхваченное из ночного мрака светом факела, было печальным. Принц ждал продолжения, и Учитель, вздохнув, начал вновь.

«Много честных и сильных духом смогла родить земля Атлантиды. О, да! Остров постепенно стал мощным, хорошо вооруженным государством и отражал любые попытки завоевания извне. Долгое время политика внутреннего существования Атлантиды служила духовным целям, одновременно нося характер улучшения качества жизни. Но со временем в сердцах разросшегося и разбогатевшего штата чиновников, занятого делами управления, вдруг зажглись огни преступных желаний и возжаждали они власти, богатства и чувственных удовольствий, в которых быстро сгорели все добродетели.

Священные праздники превратились в механическое исполнение обрядов, оставляя людей равнодушными к происходящим таинствам. В стране угасала вера в Бога и забывалась мистическая тайна числа. Традиции рушились, и ценности мало-помалу начали обретать плоть золотого тельца. Страсть к роскоши и наслаждениям захватила власть имущих, затем спустилась в среду воинов, широким потоком устремилась в слои ремесленников и накрыла собою купеческие головы. Волна ее докатилась и до основной массы народа, безрассудно возжаждавшего вечного праздника жизни. Религия, семья, дружба, честность, долг, обязанности – то есть все цементирующие общество добродетели, являющие собой нравственные ценностные основы личности, – стали занимать вторые, третьи, последние места в сознании жителей, пока вовсе не исчезли без остатка. Золото и власть взяли приоритет в душе народа. Катастрофа стала неминуема. На острове возобладали вражда и ненависть – и пришли тяжелые времена деструкторов. Вирус, однажды возникший и распространяющийся с небывалой скоростью, мутировал и порождал новые формы пороков, поражал мозг и нервную систему человека, усиливая в нем агрессию и вызывая неуправляемые эмоции разрушительного характера. Когда стало очевидным, что с эпидемией не справиться и страшная сила готова переплыть моря и расползтись по земле далее, подвергая смертельной опасности остальное население планеты, старейшими братьями из числа бессмертных было принято тяжкое решение: погрузить на «Атланту» ценности миссионеров и покинуть остров, взорвав его. Так на земле Египта оказались братья, некогда создавшие царство Атлантиды. Из огромной скалы песчаника возвели они в долине

Нила гигантскую фигуру льва с лицом первого царя атлантов. И местные жители, воскресив в памяти легенду о золотом Человеко-Льве, в золотые века человечества спустившемся к ним по небесной лестнице, уверовали в Сфинкса, как в вернувшегося к ним древнего царя Правды – царя-Феникса!»

Хеви устало замолчал. Было видно, сколь трудно дались ему далекие воспоминания. Все лицо его покрылось холодной испариной. Большие совиные глаза жреца загрустили, а линия губ приняла самое скорбное выражение. Небольшого роста, сухонький, как тростинка на ветру, он всегда держался прямо и ходил в ветхом, как дым, балахоне. Левой рукой мудрец опирался на позолоченный посох, и крест Анх из прозрачного кварца, оправленный в золото и подвешенный на золотую цепь, загадочно мерцал на старческой груди. Он никогда не разлучался с сакральной троицей: магическим посохом, золотым перстнем, глядящим на мир таинственными алмазами со среднего пальца его правой руки, и Анхом, вертикаль которого имела шесть граней кристалла, вдруг вспыхивающим облаком сухого огня и делающим фигуру мудреца сияющей подобно солнечному лучу. Ходили слухи, что предметы эти достались зодчему мистическим образом, что они обладают таинственной силой и несут на себе печать прежнего владельца, избранника богов – первого пророка Бога Птаха! Другие были уверены в том, что анх – не что иное, как жезл легендарного царя еще более древних пришельцев. Хеви, оправдывая старые и порождая новые о себе мифы, мог многое, что было недоступно простому смертному. Его руки с чуткими пальцами врачевателя, казалось, сами видели больные органы, а большие глаза, смотревшие на собеседника, обнаруживали все, даже самые тайные покои изнемогающей души.

Принц внимал, более не смея прерывать Учителя, и тот, переведя дух, продолжил повествование, одарив принца самой светлой улыбкой из своих запасов.

– Братья прибыли на землю Египет, чтобы на новом месте все начать сначала.

Воцарилось долгое молчание, после чего Хеви обратился к юному Ученику со следующими словами:

– Ты видишь облик Сфинкса, и Ты удостоился сегодня получить первый Знак. Но чтобы добыть ответы на волнующие Тебя тайны, Тебе придется потрудиться и пройти испытания. Но очень скоро Ты встретишь самого важного человека: женщину, предназначенную Тебе волею небес. И помни истину: жизнь нашу делают бессмертной – Великая Любовь или Великая Вражда. Или то и другое вместе. И большая удача встретить Первое. Именно Любовь ставит перед нами великие цели и ведет нас на подвиги, делает героями, о которых слагают легенды и память о которых живет в веках!

Хеви тихо засмеялся.

– Подвиги, которые делают смертных бессмертными? – улыбнулся понимающе Ученик.

– Жизнь, имеющая гордость лаврового венка предка на главе своей, лишает душу поэзии восхождения к вершине. Не забывай, близок час Фараона-Фениикса! Небесные стражи движутся занять уготованные им троны, чтобы узреть божественную Истину на земле, знавшую Золотой век Сфинкса и тайну Его строителей! – закончил торжественным тоном мудрец и, чуть подумав, добавил: – Знаешь, у Аталы и его жены Гааллы был сильный и преданный друг на четырех лапах.

– Кто это? – изумился юноша.

«Громадный лев. Атала рано обрел славу непревзойденного певца и музыканта. Магией его голоса были очарованы не только люди, но и птицы, и звери. Так был околдован и приручен Аталой разбойничавший в окрестностях дворца чудовищной силы лев. Стрелы и копья отскакивали от его толстой шкуры, ловушки он чуял и обходил стороной, и был дикий зверь грозой и гибелью пахотных быков, телиц и крестьян, пробовавших выступить на защиту домашних животных. Отважный Атала, познав о беде, взяв с собой лиру, ушел на поиски льва. Весь

народ пребывал в страхе. Гаалла не спала и не ела, а только плакала и неустанно возносила молитвы. Но через пару дней многие стали очевидцами чуда. Царь, восседая верхом на воистину громадном льве, возвращался во дворец и пел, перебирая струны лиры, а лев, тяжело ступая, слушал его с заметным благоговением. Люди, пораженные увиденной картиной, выбегали из домов, крича и плача от радости, и бросали цветы под ноги зверя и вослед, так что вся дорога благоухала еще с неделю.

История эта легла в основание ежегодно устраиваемого с тех пор Фестиваля Песен. Лучший исполнитель получал в награду золотую фигурку льва и лиру. Люди в домах своих пекли пироги с изображениями царя зверей и царя атлантов, играющего на золотой лире; устраивали пиры и водили хороводы. Легенды о небывалом певце переплывали моря и океаны. Вслед им и появися в Атлантиде Сфинкс, за плечами которого засияли на солнце белые стены Храма Искусств, воздвигнутые вскоре руками очарованных атлантов. Сила человеческого Духа победила животную силу Зверя, явив себя в образе Сына Солнца Аты – царя атлантов. Теперь Ты знаешь, чье лицо имеет Большой Сфинкс Египта – Человеко-Лев, и почему атланты своего царя нарекли Великим Аталой?»

– Ты открыл мне величайшую тайну мироздания: я посвящен в секрет рождения статуи Сфинкса, в его изначальный духовный символ. Ныне его именуют богом Ра-Горахути, волшебно зачатым сыном Исиды и Осириса, правнуками Ра и прародителем первых фараонов Египта. И снова круг замкнулся: чудесное зачатие Гора-сына от мумии отца, плоть которого из золота, а кости из серебра. И золотое сердце Аталы. К каким новым смыслам ведут эти знания? – воскликнул с неописуемой тревогой в голосе Ученик.

– Это как слепой спрашивает зрячего: какого цвета трава, или на что похоже лицо прекрасной женщины? – невозмутимо ответствовал Хеви.

– Слава Единому! – громко воскликнул принц и рухнул на колени перед Учителем.

– Встань и прими подарок, который я приготовил для Тебя. Перстень! Смотри, он имеет тайник, в котором сокрыто лекарство, способное продолжать жизнь в теле, исцеляя и омолаживая плоть. Но воспользоваться им никто не сможет, пока не прочтет кое-что.

Принц поспешил встать и завороженно следил за действиями мудреца: и как Хеви рылся в складках балахона, и как вынул оттуда золотой перстень, алмазная верхушка которого сияла и переливалась, как великолепное созвездие или как гадательный хрустальный шар царицы Тийи, однажды видимый им.

– На внутренней стороне перстня, смотри, древние письмена! Они означают формулу, ключ к тайнику. Сумеешь прочитать написанное – откроешь тайник и воспользуешься целительной силой, спрятанной в нем. Сам перстень – талисман. Он охраняет владельца от яда. Если сомневаешься в еде или питье – достаточно коснуться им предмета сомнения. Так отравленные напиток и еда почернеют. Береги перстень и не посвящай в его тайну никого. «Подарок Учителя» – вот то единственное, что ты можешь сказать любопытным.

С этими словами жрец Хеви надел на большой палец правой руки принца перстень.

– Когда подрастешь, сам решишь на каком пальце носить. Храни память о сегоднешней ночи. И помни: Ты – Феникс! – торжественно заключил Хеви, и наследник в благоговении, сродни умопомешательству, поцеловал руку мудреца.

Какое-то время оба молчали, как две статуи в креслах, вырываемые из окружающего мрака ярким светом пылающих факелов в руках множества слуг, стоявших неподалеку.

– Сегодня великий День. Но, Хеви, прошу Тебя: поведай мне еще немного об Атале, – попросил с мольбой во взгляде прекрасных глаз принц.

Хеви устало опустил тяжелые веки.

– Атала привел красоту в мир чувств человека, и век зверя пошел на убыль. «Общаться с Богом и говорить об Истине возможно лишь божественным языком, и этот язык – язык Поэзии», – молвил Хеви. – Великий Атала для Атлантиды – все равно, что Осирис для всем извест-

ной истории Египта, которая сохранилась на стенах гробниц, саркофагах и в папирусах, ветхих как дым. Между Аталой и Осирисом существует мистическая связь: оба лидера несли благо доброго знания в мир людей и оба пострадали от предательства.

Хеви замолчал.

Вдруг, будто вспышка молнии озарила каменный лик древнего Стража пирамид. Принц был близок к обмороку.

Хеви чуть слышно рассмеялся:

– Египтяне – набожный, хранящий традиции предков народ, но им не удастся стать сердцем мира в области веры. Жрецы его блуждают по кругу в созданном им лабиринте молитвенных формул и заклинаний. Их религиозная система сложна и запутана. В ней живет красота звездного неба, но ей не хватает цельности ясного дня.

– Неужели все потеряно и мои старания ни к чему не риведут?

– Да, если не случится чудо Возрождения Феникса!

Наследник имел изможденный вид.

– Я очень устал, Хеви. Я переполнен! Я умру, если немного не передохну и не съем хотя бы малый кусок пирога. Согласен: мои повеления носят земной, низкий характер. Меня мучит обычная жажда, а тело просит омовений и немного пищи. Какая проза, увы.

– Напротив, друг мой, напротив. Наилучшее, что мы можем сделать сейчас, – так это сотворить отдых из сновидений, затем мы и прибыли в это священное место славного первого времени – Времени Большого Сфинкса. Так устроим праздничную трапезу и почтим память царя Аталы!

Хеви кивком головы подозвал карлика Бубу – писца наследного принца и того, «кто смотрит за вещами большого Господина».

Понятливый слуга, комично откланявшись, отдал приказ подготовить все к царственному ужину.

– Но смотри, не переусердствуй. Желудок, наполненный едой, сделает сон тяжелым. Душа, отравленная парами пищи, задержится в теле и не сможет улететь в неземные сферы, чтобы услыхать Голос Бога в сердце своем, – предупредил Хеви ласково, но строго.

Тем временем Страна Мертвых ожила. Задвигались проворно слуги, заметался свет многочисленных факелов, создавая гигантские фигуры теней на разных частях статуи, увлекая Сфинкса в круг заботливых приготовлений, нервно озаряя ступени, ведущие к его каменной груди. Но каменное лицо Аталы возвышалось над суетой, царящей внизу, и его сердце, как и прежде, скрывало от людей свою тайну, молча поверяя ее пустыне далеких звезд и получая в ответ согласную тишину. За спиной Человеко-Льва громады пирамид в бледном свете луны слали невидимые сигналы в бескрайние просторы космоса. Вскоре возле Учителя и принца появились легкие круглые столики, сплетенные из папируса. Ночной воздух пустыни быстро наполнился забытыми благовониями, душистыми ароматами фруктов и овощей, изысканными запахами кулинарного искусства, редко встречаемыми здесь. Зазвучали нежные арфы и вздохнули серебряные флейты. Встревоженные жители Долины Мертвых – шакалы – отчаянно завыли.

3. ЯВЛЕНИЕ НЕФЕРТИТИ. КЛЯТВА ВЕРНОСТИ

После окончания трапезы принц не захотел провести ночь в роскошном шатре, специально установленном для него, а велел бросить ковер у трех ступеней, ведущих к груди Сфинкса. Он взошел по ним и долго созерцал установленную на последней стелу с иероглифами и рельефами двух сфинксов с лицом деда Тутмоса IV. Для этого, правда, тот убрал статую своего отца Аменхотепа II, которую тот воздвиг в столь почетном месте. Сейчас от нее осталась лишь округлая выпуклость с едва угадываемыми формами человеческого тела. Стела же была появилась в знак благодарности и как свидетельство произошедешго чуда. Амен почему-то сомневался в правдивости этой истории и предполагал, что «вещий сон» – хитро затеянная политическая игра с целью задрапировать божественными предзнаменованиями и высшей волей жесткое восхождение на трон, связанное с убийством претендентов. Аменхотеп II, отец Тутмоса, говорят, что и сам пережил нечто неподвластное рассудку и став фараоном, первым делом установил свою статую между лап гиганта, а затем выстроил маленькое святилище на месте разрушенного старого. Было это в прошлом столетии. Наследник повернулся и стал вглядываться в сооружение поминального храма Сфинкса. Стояло полнолуние, и внутренний открытый периметр двора с полуразбитыми стелами братьев Тутмоса IV, прямоугольные остовы которых виднелись вдоль его стен, смутно просматривался. А снаружи храм был завален подношениями благочестивых паломников, считавших своим долгом оставить в знак благодарности все, что на что были способны.

– Увижу ли сегодня я нечто важное и судьбоносное или это будут просто мои ночные фантазии на вольную тему? – подумал принц и сошел со ступеней.

Факелы, длинными ручками-остовами воткнутые в песок, тревожно полыхали, кромсая торжественный мрак пустыни и вырывая из нее темные силуэты стражей, шатра, пантеры и спящих на тростниковых циновках слуг прямо у стен святилища. Накинув плед из верблюжьей шерсти, подаренный ему скуластым вождем племени бедуинов, и, расположившись на ковре, сотканном их женами с длиннами черными косами вместо коротких париков египетских женщин, он застыл в ожидании. Мысленно принц, следуя традиции, горячо молился, а на правой руке его светился и переливался алмазными гранями подарок Хеви – чудесный перстень.

Рядом, уютно урча, умывалась молодая пантера. Черная шерсть ее в лунном свете отливала синевой, а в аккуратных ушах сверкали золотые серьги с лазуритом. Это животное не охотилась на диких зверей. Еды у нее было вдоволь и ела она, бывало, сидя за столом фараона и с золотой посуды пищу, приготовленную лучшими дворцовыми поварами. Пантера охотилась на людей. В случае необходимости, конечно. Чрезвычайно преданная Хозяину, верная хищница читала мысли и намерения всего живого. Быстрая, как стрела, большая кошка уже загрызала до смерти подкупленного слугу, предупредив покушение на юную жизнь наследника. Умная Баст – подарок Учителя. Где мудрец раздобыл такого зверя, для всех оставалось загадкой. Но красавица-пантера стала незаменимым телохранителем подростку-поэту, презирающему любой вид оружия, войны и даже царскую охоту – древнюю традицию египетских фараонов. Он считал атавизмом связанные с ней верования и только ждал часа, чтобы издать Указ на ее запрет. Аменхотеп IV, по примеру Учителя, часто постился.

– Задача души – помнить об ее предзнаначении, об ее истинной Родине, а помня, делать все возможное, чтобы вернуться Домой. Не создавая грубых привычек, не потокая наклонностям плоти, мы помогаем душе внимать её божественной природе. И потому первое правило посвященных: различать необходимое и возможное, желания душевные и телесные и не допускать низкое и зловредное. Тело духовное Ба после смерти должно воссоединится с сияющим сухим блеском существом АХ, чтобы стать совершенным Человеком. Именно АХ, окончив земное странствие, вернется в блаженный покой, – напоминал мудрец принцу, когда тот, забыв-

шись, тянулся на царском пиру к нежному куску жареного гуся. – Отказывая себе в малом, тренируешь большую волю, необходимую будущему фараону, – добавлял Учитель, доверительно кладя сухую, как папирус руку, на мягкую, влажную ладонь Ученика.

– Для защиты от магии жрецов Амона? – уточнил однажды принц.

– Можно и так сказать, – улыбнулся ему Хеви.

Стояла волшебная ночь – ночь звездопада. Лицо наследника, бледное в свете луны и звезд, вопреки скептицизму его настроения по поводу возможного приключения «вещего сна», было залито слезами восторга, вызванного в поэтической душе рассказами Хеви. Он потерял счет времени, устремив взгляд на благородный лик Сфинкса, история которого глубоко потрясла юношу. Утомленный, в конце концов, склонил он голову на грудь и уснул. Уснула и Баст, мелодично мурлыча в своем молодом кошачьем сне. А далее случилось неожиданное: то, что принц переживал впоследствии вновь и вновь. Это была мистерия. Судьбоносная роковая встреча произошла с ним во сне! Выглядела девушка необыкновенно. Магия красивого лица подчиняла и манила тайной уготованного жребия, запечатленного в каждой черте.

«Дочь богов!» – подумал принц и, потрясенный, отпрянул.

Стройная фигурка самой Хатор – грациозная в лунном сиянии – внезапно явилась его взору.

– Будто сошла по лунному лучу!

Но богиня смотрела с легкой тенью гнева, и это завораживало.

– Кто посмел нарушить покой Великого Стража в час Сокара? Живые спят в своих домах, а здесь – удел мертвых! – услыхал наследник повелительный голос и не сразу смог разлепить сомкнутый сном рот. Он молчал и, зачарованный, следил за каждым взглядом, каждым жестом пришелицы. А та рассмеялась, будто колокольцы зазвенели на ногах танцовщиц, и подошла к спящей Баст. На девушке было белое платье из тонкого льна, обтягивающего худенькую фигурку, короткий черный парик по последней моде, золотой воротник усех и дорогие браслеты самой утонченной работы. Было ясно, что она принадлежит к знатному дому. Быть может ее отец – везир?

– Чудесная пантера! Ты, вероятно, принц? Только сын фараона имеет право владеть таким животным, – разоблачила сразу его высокое происхождение девушка, и он обрадовался, так как в этом сказался ее смелый ум и знание жизни.

– Да, ты права. Я – наследник правящего фараона! Я прибыл сюда, чтобы получить пророческий сон! – воскликнул гордо царственный отпрыск.

– Так мы спим оба? – усомнилась девушка.

– Если мы спим, то нам позволительно делать все! Ты так прекрасна! – оживился радостно принц.

Он быстро поднялся с ковра и, не раздумывая, поцеловал красиво очерченные губы богини.

– Нефертити, – произнесла та и в ответ прильнула к пухлым губам принца, а ее ладони нежно коснулись его лица, еще не знавшего в своей юности лезвия цирюльника. Она заметно наслаждалась моментом и поцелуй их длился, и длился. У принца закружилась голова и восстала плоть. И девушка, почувствовав смущение, мгновенно прервала томную пытку. Возможно потому, что она добилась, чего хотела?

–Я жрица – богини Маат! – отстраняясь, сказала она, гордо смерив его взглядом.

– О! А я думал, ты – богиня Хатор! – сделав разочарованное лицо, молвил он.

– Быть жрицей очень достойно. Мой отец – Великий Провидец в храме Атона. Он – Первый из Видящих – Ур маа Горатон.

– Вот это да! У меня к твоему отцу есть важное дело.

Принц попал в плен красоты, как птица в силки.

– Но кто тогда твоя мать, Прекрасная? – интересовался он все больше.

– Никогда не видела маму. Отец говорит, что моя мать была, как и я, жрицей, но умерла при родах. А я думаю, что она и есть самая настоящая богиня!

Девушка вела себя дерзко, высокомерным тоном заглушая давнюю душевную боль. А юноша смотрел на нее с нескрываемой любовью до тех пор, пока в ответ ее миндалевидные глаза не озарились светом, будто внутри них зажглись невидимые лампады.

– «Все боги были когда-то людьми, а люди – смертные боги!» – молвил таинственно наследник.

– Так говорит и мой отец! Ты знаком с ним?

– Несколько лет назад я посещал город Обелисков с царицей Тийией. Ур маа доводится матери родным братом. Младшим. А мне, стало быть, дядей. Но тебя я не помню. Где ты скрывалась?

– Ездила учиться в Дендеры. Два года провела у жрецов Исиды. И, наконец, стала жрицей Маат.

– Понятно, ты хотела познать истину. Так ты видела богинь? Или только их статуи, фрески?

Нефертити смерила говорящего взглядом и вдруг начала танцевать.

– Смотри, на меня! Этот танец – хвала Атону Благословенному. Его лучше исполнять на восходе и на закате. Но мой бог всегда в сердце моем и потому я танцую, когда хочу, когда я слышу Голос в моем сердце!

– Вот та, о ком предупреждал сегодня Хеви и мечтала моя мать, говоря, что я должен выбрать женою ту, с которой при встрече в сердце моем появится боль и мне захочется умереть! – подумал он, но вслух, покраснев, произнес со властью:

– Ты станешь богиней, когда выйдешь за меня замуж!

Принц осекся. Он сказал это будто помимо воли, будто кто-то другой молниеносно и за него принял решение. Важное, роковое.

– Я всегда знала… – прекращая танец, произнесла Нефертити, устремив взгляд на Сфинкса.

– Что именно ты знала? Так ты согласна? – напрягся сын фараона.

– С чем? Что я стану богиней, стоит мне надеть на голову предмет ювелирной работы из золота? Моя любовь к Богу божественна и бескорыстна! – с надменной усмешкой заявила дочь жреца.

– Надеть корону Великой супруги Египта – значит стать Дочерью Солнца и получить власть вершить судьбу Египта! – у наследника перехватило дыхание от возмущения и гнева. – Ты мне показалась умнее. Я ошибся, – произнес он и отвернулся, чтобы уйти.

– Фараон не может повернуть вспять течение великого Хапи!

– Дерзкая девчонка! Во власти фараона сделать жизнь народа Египта счастливей! – он замер на полшаге и слушал спиной.

– Как наследник добьется этого? – искренне удивилась она.

– Открыв Правду, что скрывают жрецы от народа, погрязшего в тине суеверий. Бог Един и Один. Бог не в статуях, а в душе фараона. Именно он есть дыхание жизни, податель благ, справедливый Судья и защитник слабых от произвола сильных. Он есть Правда божья на земле!

– Тогда конец миру, а тебя, и меня убьют. Жрецы – самый влиятельный клан Египта, и они счастливы, собирая дань с молящихся многочисленным богам. Чем больше богов – больше ритуалов, больше жертв, больше золота в их казне. Богатые и влиятельные, они окажут сопротивление. Прольется много крови, и черная земля Кемет сделается красной. Твое имя облекут позором и предадут проклятию!

Нефертити, говоря это, обошла принца и закончила последние слова, уже стоя перед ним и гневно качая красивой головой, отчего серьги в ее ушах тревожно звенели.

– Цена Правды высока. Но если ты знаешь Правду, то скрывая ее во имя Лжи, не делает ли это недеяние тебя проклятым перед лицом Единого? Я говорю это в месте Первого времени, когда Великий Сфинкс был явлен здесь как Солнечный Бог обоих горизонтов, в месте, где выросли пирамиды Древнего царства, когда фараон был сошедшим на землю Сыном Бога, и каждый человек знал свое место и ценил божественный порядок.

Прекрасная перестала качать головой. Она молчала, внимательно разглядывая принца. Слишком быстро менялась ее жизнь. Наконец, она взяла его правую руку в свою и, поднеся к губам для поцелуя, вдруг заметила на большом изнеженном пальце юноши интересный перстень – золотой и массивный, с сияющими алмазами. Такого необычного перстня она никогда не встречала прежде. Он будил в глубинах ее памяти что-то трагично-прекрасное. Тринадцать камней насчитала она.

– Значит ты и есть Феникс Египта. Отец говорил мне, что настает время Феникса! – сказала она так, будто вынесла ему и себе смертный приговор. – Но я бы хотела получить от принца памятный знак. Подарок. Чтобы проснувшись наутро, мне не забыть о моем согласии стать Дочерью Солнца! Мне нравится твой перстень.

Теперь задумался он.

– Я хочу отправиться с тобой в покои фараона Хуфу. Там и только там ты получишь то, о чем просишь, – после минутного молчания предложил он.

Зрачки Нефертити расширились.

– Саркофаг Хуфу может быть опасен!

– Так испытаем судьбу! – воскликнул принц, высокомерно вскинув длинный подбородок. – А перстень не только красив. Он есть тайна! В путь?

Большие глаза юноши уставились на дочь жреца. Миндалевидной формы, с толстыми веками, опушенные густыми щетками черных ресниц они напоминали ей глаза молодого жирафенка. Красивые глаза с задумчивым выражением на узком лице с высокими скулами и полными чувственными губами. Наследник, однако, имел привычку щуриться, защищаясь от солнечных лучей и настырных взглядов жрецов, и потому временами глаза его получали еще сходство с глазами кобры. Фигурой же он походил на кенгуру: узкие плечи и широкие бедра. Юноша был обнажен, а на изящных ступнях его блестели золотом сандалии тонкой ручной работы.

– У тебя красивые глаза! – похвалила дочь провидца и улыбнулась. – Ладно, будь по-твоему! – согласилась она и взяла его за руку.

Он радостно улыбнулся в ответ.

– Как твое имя? – спросила дочь жреца.

– Все обязаны знать имя правящего фараона и имя его наследника! – оскорбился он.

– Аменхотеп! Вспомнила, – без тени смущения ответила она, горделиво качнув головой в коротком парике, и цепочки в его косичках зазвенели.

– Вот и прекрасно. Но поскольку мы находимся во сне, то следует помнить, что нам можно многое желать, нам многое простится и нам не составит труда попасть в место Великого Возрождения.

Наследник, вдруг артистично щёлкнул языком и бережно обнял девушку за тонкую талию.

– Вот найден вход. Отвалена плита, – произнесла Нефертити тихо, вслед их молниеносному перемещению.

Войдя в кромешный мрак гранитного склепа с единственным предметом, стоящим в нем, оба замолчали, невольно почувствовав непередаваемый страх. Они крепко обнялись и услышали, как сильно бьется сердце каждого. В молчании, передвигаясь на ощупь, преодолев довольно высокую стену каменного гроба, втискиваясь в щель, которую оставляла сдинутая

стопудовая его крышка, принц оказался на дне узкого, не более трех локтей в ширину, тесного ложа и позвал Нефертити. Его голос гулко зарезонировал под гробовым сводом.

– Какое совершенство мрака! – воскликнула в изумлении видавшая уже много таинственного дочь жреца. – Словно я попала в домирный хаос. В тот самый, до Дня Творения. Я теряю чувство тяжести и становлюсь невесомой. Материю поглощает мрак и лишает мое бытие настоящего…

Нефертити легко, как перышко богини Маат, перенеслась сквозь толстую стену саркофага, и влюбленные оказались рядом в действительно тесном пространстве.

– Как холодно объятье каменного ложа. Но вместе нам тепло? – шёпотом произнес принц, и она ощутила горячее дыхание и терпкий, волнующий запах царских умащений, а он уловил пьянящий дурман голубого лотоса, исходивший от ее парика.

– Существует легенда, по которой фараон Хуфу, предчувствуя близость Горизонта Событий, решил испытать судьбу и провел здесь ночь, – торжественно шептал он. – В своих видениях ему было явлено Древо Жизни и сказано, что только Любовь к Единому дарует его душе блаженство вечности в Царстве Благословенного. И тайна сия велика и для смертных глаз невыносима. Тогда фараон, повинуясь зову мудрого сердца, распустил гарем и произнес Клятву Верности. И Хуфу сдержал данное им Слово и до самой смерти был верен Великой Супруге. Потому что осознал, что Любовь к Единому есть ограничение во всем остальном. Во всем самом сладком! – закончил наследник.

– Я согласна с Хуфу! – обрадовалась Нефертити.

– Тело – гробница души. А ее свобода – добрые мысли и добрые дела.

Нефертити испуганно молчала, и принц вдруг ощутил на лице своем слезы девушки. Он и она лежали, в виду тесноты саркофага, прижавшись: грудь к груди, живот к животу и ноги к ногам.

– Но фараон имеет гарем, а в нем сотни красивых наложниц. Так всегда было! – горестно воскликнула она.

– Мы произнесем Клятву Верности. Сейчас!

И далее, не давая ей вставить слова, наследник повелительно воскликнул:

– Клянись, что Нефертити, дочь Великого жреца храма, где обитает дух древнего Ра-Хорахти, надев венец Великой Супруги фараона Аменхотепа IV, будет верна ему до своей смерти!

У девушки перехватило дыхание и язык налился свинцом, а по ее стройному телу прошлись вверх и вниз волны смертельного холода. Ее знобило, как в злой лихорадке.

– Клянусь! – делая невероятные усилия, прошептала она, не попадая зубом на зуб и не узнавая своего голоса.

– Клянись, что если оборвутся струны моей жизни, а ты будешь еще дышать горячим воздухом Египта, полным песка и зноя, и пить из золотого кубка воду чистого источника Атона, который я возведу в благоуханном саду дворца Великой жены фараона, – то привезешь безмолвную мумию, бывшую когда-то телом возлюбленного своего супруга и положишь в эту гробницу! – возвысив голос, перечислял и требовал наследник, дрожа, как ива на ветру от нервного напряжения.

– Клянусь! – в большом изумлении клятвенно прокричала Нефертити громко. И услыхала в ответ, точно гром в горах:

– Я, Аменхотеп IV, торжественно обещаю быть верным до конца дней Нефертити – Великой Супруге фараона Аменхотепа IV! Клянусь! В свидетели призываю Единого бога Египта – Солнце Сфинкса – Атона-Ра!

Наследник снял с пальца поразившей ее перстень и надел его на указательный пальчик притихшей красавицы. Но перстень был сильно велик и свалился, и Нефертити со вздохом огорчения вернула владельцу его дар.

– Ты очень добр. Спасибо.

– Не удивительно, что тебе он не подошел по размеру. Он велик и мне. Подарок Учителя Хеви.

– Подарки не передаривают. Я пожелала чужое. Извини, пожалуйста.

Принц сделал выразительную паузу.

– Владелец кольца невидимо связан с высшими силами, которые его охраняют.

– Я не имела права просить, прости еще раз. Но наследник полон тайн. Это волнует. Поцелуй меня, – попросила она тихо.

– Перстень – отлично, но Великая Госпожа двух Египтов Нефертити есть лучшее украшение фараона, лучшая защита. Что ему перстень?! – пылко зашептал юноша, чувствуя, что уносим волнами страсти, неведомой ему ранее.

– Солнце мое! – услыхал он в ответ, и в тот миг нежные пальцы девушки охватили его плечи, и горячие губы ее слились с его губами в сладостном поцелуе.

Это была долгая, прекрасная, таинственная и самая мистическая ночь в их жизни.

4. В ПЛЕНУ АМЕНРЕСА

Солнечный диск Атон взошел над горизонтом и ладошками утренних лучей щекотал нос, гладил щеки, лоб, нежно касался обнаженной груди спящего принца. Верблюжье одеяло сползло, и он предстал пред владыкой небес во всей красе юных лет. Почувствовав теплое прикосновение бога, наследник раскрыл глаза и счастливо улыбнулся. Затем его лицо отобразило испуг, и он стал оглядываться по сторонам, будто ища кого-то. Юноша пришел в недоумение: рядом с ним дремала пантера Баст, а ночной гостьи Нефертити простыл и след.

– Учитель! – громко позвал принц, торопливо накидывая на себя белый ворох царской одежды и ловко перепрыгивая через пантеру, которая лежала на спине, грациозно, по-кошачьи, разметав в стороны лапы, нежась в лучах утреннего солнца.

– Учитель, сбылось! Я получил жребий фараона особой милости. Я встретил единственную, о которой говорила моя мать и ты. Все приметы совпадают. Мы обручились! И еще я видел царя Аталу! Он играл на лире и пел. Я очарован видениями! – задыхаясь от восторга, исходил криком наследник. Он порывисто обнял мудреца и тут же опрометью бросился назад, разбудив легким пинком пантеру и, буквально взлетев по ступеням, встал лицом к солнцу, касаясь спиной знаменитой «Стелы сна» божественного предка.

– Я слышу тяжелые удары сердца каменного Бога, – прошептал он одними губами.

– Миллион Лет Жизни Фениксу, – беззвучно отозвался Хеви.

Солнечный Диск уже воссиял на небосклоне. Бог, следуя заведенному порядку вещей, занял почетное место в барке Миллионов лет Манджет и пустился в державное плавание. А принцу показалось, что между прошлой ночью и этим утром пролегла целая вечность. Он удивился тому, как земное время может менять параметры в индивидуальном восприятии, как минута на самом деле вдруг может вместить в сердце человека деяния воистину космических масштабов. Да! Всего через одну минуту к жрецу Хеви со ступеней Сфинкса сходил уже не робкий ученик, всегда ждущий одобрения со стороны.

– Учитель! Мое сердце переполнено видениями ночи. Они обязывают меня отправиться в Город Великого Старца без промедления. Меня там ждет Нефертити! Тебя и Баст я прошу остаться здесь. Я должен совершить путь в одиночестве. И я думаю, что наше возвращение можно ожидать вечером. В крайнем случае, завтра, на восходе.

– Наследник Двух Египтов вправе следовать зову сердца. Я думал предложить Его Величеству совместную поездку в город Ра, ибо время настало, – задумчиво произнес зодчий, жестом рук благословляя помазанника, а про себя подумав: «Чему быть, того не минуешь! Великая вражда должна обнаружить свое лицо».

Принц торопился, и потому легкий завтрак он принял на корабле «Блеск Атона», плывущем с попутным ветром по утреннему Нилу. Две дюжины сильных гребцов равномерно взмахивали веслами по обе стороны палубы. А царственный юноша сидел в удобном кресле, в тени Красного паруса, и пил виноградный сок. Прохладу, ощущаемую им на лице, усиливали движения опахала в форме цветка лотоса. Наследник не любил традиционных опахал с изображением войн, либо царской охоты, где фараон, стоя в колеснице, натягивает тетиву лука и вот-вот пустит стрелу в жертву. Скачущие кони, разгоряченная погоней свора псов, бегущая за несчастной ланью, – обычный сюжет их. Но у принца вызывало головную боль зрелище травли: одного – многими. Было ли это дурным предчувствием, касающимся его судьбы в будущем?

«Даже лев в этой ситуации выглядит несчастным и обманутым», – горько размышлял он.

Да, старых львов, не имеющих сил охотиться в дикой природе и потому задирающими в деревнях домашний скот, отлавливают сетями, откармливают и затем выпускают в просторный вольер фараона, где и происходит убийство под названием «Царская охота». Ритуал, дол-

женствующий воскрешать сражение человека и зверя во вселенском масштабе, облекаясь в одежды символа, неизбежно утрачивает чистоту честного поединка – битвы за жизнь.

– Жестокий мир людей, убивая, торжествует победу, и часто не важно, какой ценой! – негодовал он.

В традиции египетских верований война и охота называются уважительно «усмирением хаоса и восстановлением космического порядка Маат». Но юный принц не выносил ни насилия, ни его изображений. Превыше всего он ценил мир на основах терпимости и любви к Истине. На счастье, ему редко приходилось наблюдать сцены с кровопролитием, поскольку он жил во дворце под усиленной охраной. Но уже дважды за свои четырнадцать лет он становился свидетелем схватки пантеры и человека, и до сих пор кровь стынет у него в жилах при этих воспоминаниях. Да, на принца было два покушения, которые предотвратила его главный телохранитель – молодая пантера.

– Почему же Голос сказал мне сегодня, чтобы я поехал один? И уверен ли я, что это был правильный Голос, а не голос чар магии жрецов Амона? – заволновался вдруг наследник.

Дело в том, что о колдовстве фиванских жрецов, совершаемом ими в подземных лабиринтах храма Амона и, особенно, лунного Хонсу, ходили жуткие истории.

– Что нужно для того, чтобы бог Атон надел наконец корону столичного бога Египта, сняв ее с нынешнего Амона-Ра? Многое уже сделано благочестивыми и дальновидными предками: древние храмы Атону возродились из руин прадедом Аменхотепом II, обновлены дедом Тутмосом IV и отцом моим воздвигнуты два совершенно новых, а в Уасет выстроен знаменитый роскошный дворец «Сияние Атона». Но недостает последнего шага: Атону нужен свой храм в столице! Да и такой, чтобы затмил святилище жрецов Оракула, которые не намерены сдаваться без боя. Только бы мне хватило твердости характера, веры в себя как царя-Феникса и удачи! – полагал наследник, разглядывая медленно меняющиеся пейзажи на зеленых берегах Хапи.

Молодой нубиец, слуга Манеси, высоченный и худой, с кожей цвета зрелого инжира, в набедренной повязке и белой чалме, легко манипулировал с древком опахала, стоя по правую руку от сына фараона.

– С давних времен страусовые перья служили символом бога Шу, которого называли подателем дыхания жизни. Богиню, составляющую пару с богом Шу, звали Тефнут. Она творила Маат, поддерживала гармонию и творила возмездие врагам справедливого порядка, установленного мудрым Ра. С древних времен их символически изображали парою львов. Потому Сфинкс с головой человека…

Наследник оставил глубокую мысль незаконченной, так как его взгляд случайно упал на моложавого карлика Бубу, что с извечной палеткой в руках, скрестив короткие ножки, сидел рядом и терпеливо ждал приказаний своего Господина. Принц, обладая поэтическим даром, часто декламировал стихи и потому постоянно нуждался в присутствии расторопного писца. По штату за ним ходила целая банда писцов, называемых «ибисами». Они вечно ссорились между собой и основательно раздражали поэта, вынуждая гнать их от себя подальше. Но будущий фараон искренне обожал карлика, с которым он, можно сказать, вместе вырос. Буба, имея уродливые пропорции тела, был чрезвычайно обаятелен и смышлен. Своими остротами и незлобивыми шутками он забавлял, отвлекая от мрачных мыслей принца, склонного впадать в уныние.

Это был давний дворцовый обычай фараонов, неизвестно в какие века пустивший корни: иметь при дворе хотя бы одного карлика. Маленькие уродцы ценились на вес золота, вероятно потому, что походили на древнего египетского бога Беса, покровителя рожениц. До сих пор в каждом крестьянском доме имелась его глиняная фигурка, призванная защищать от злых духов. Редко встречающееся племя натуральных карликов обитало на далеком юге в густых джунглях, там, где бродят саблезубые тигры и шумят горные водопады. Места малодоступные

и небезопасные для желающих иметь у себя в качестве живой игрушки маленького человечка с большой головой.

Потому и возникли тайные мастерские, где злые колдуны и колдуньи, в погоне за вознаграждениями, уродовали украденных ими младенцев. Они оставляли на свободе головы, кисти рук и стопы несчастных детей, держа тела их в специальных деревянных гробиках-колодках, тем самым останавливая рост и гармоничное развитие молодого организма. Эти дикие методы преследовались законами страны, но на деле были редко доказуемы. Товар ходкий – ведь знать столицы, подражая Большому Дому фараона, непременно хотела иметь такое же чудо природы. Но надо отдать должное: карлики не нуждались ни в чем. Они сытно питались со стола хозяина, одевались по последней моде, получали образование, высоко чтимое в Египте, женились на обычных женщинах с солидным приданым. И, наконец, главное: все обласканные карлы были в состоянии купить себе респектабельное захоронение: богатую мумификацию, саркофаг и пышную гробницу в престижном некрополе придворных Его Величества для себя и для членов семьи.

Карлик Буба был тоже игрушкой в руках злой судьбы. Его однажды выкрали и сделали из него то, что, несмотря на все выгоды положения, заставляло страдать душу, чуткую к красоте и гармонии. Родителей своих он не помнил, но унаследовал от них веселый нрав, большие добрые глаза, черные курчавые волосы и иссиня-черную кожу бедных жителей Нубии. И улыбку! Улыбка очень красила Бубу. Казалось, что во дворце прибавлялось света, – такие белые и ровные были у него зубы.

Карлик сидел в плиссированной юбочке из прозрачного чистейшего льна с надетым поверх нее треугольным передником, детскую талию его охватывал золотой парчовый пояс, а на груди красовалось широкое ожерелье – новое, перед отъездом подаренное принцем. Карлик всей душой привязался к наследнику. Нужно – и он жизнь отдаст за своего господина. Он не говорил это, но по всему было видно, и все догадывались о благородстве души его, и любили маленького безобидного человечка, а втайне – горячо жалели. Семья принца была дружной и доброй, что бы ни возглашали о них завистливые жрецы. Светлой головой семейного союза являлась умная и властная царица Тийя, а сердцем – фараон, горячий поклонник прекрасного. В искусстве и в жизни.

Наследник стряхнул воспоминания и вновь устремил взгляд на реку. Нил, несмотря на раннее утро, вел оживленную жизнь, наполовину скрытую зарослями прибрежного папируса. Дикие утки в поисках мелкой рыбешки плавали в его тени и, шумно хлопая крыльями, внезапно взлетали и вновь плюхались в воду. Длинноногие ибисы гордо вышагивали, опустив сильные клювы в реку, чтобы поживиться зазевавшейся лягушкой или водяной змеей. Мошкара и стрекозы роем вились над водной гладью, создавая особую музыку звона и стрекота. Женщины из прибрежной деревни, следуя местным обычаям, пришли сюда на рассвете стирать белье. Вдруг раздался сильный всплеск, а затем душераздирающий крик – и следом берег Нила огласили плач и стенания. Виновником шума оказался голодный крокодил. Он умело прятался, маскируя ноздреватую спину под кору плавающего бревна. Сразу и не поймешь. К сожалению, нападение хищника происходит молниеносно и помощь жертве уже бесполезна – она становится пищей грозного хозяина Нила, носящего уважительное имя бога Себека.

Увидав ладью фараона, люди мгновенно стихли и пали ниц, воздев молитвенно руки. Принц выпрямился, посылая жест царского благословения. Он стал похож на солнечный луч. Ослепительным золотом сверкало дорогое ожерелье на юной груди, и пламенели массивные браслеты наследника фараона на высоко поднятых руках его. Гребцы опустили весла, радуясь неожиданному отдыху. Принц, получивший шок от трагического зрелища, приказал подплыть ближе к берегу, затем снял с руки кольцо, подаренное ему царицей, и через слугу передал

осиротевшей девочке и, не дожидаясь благодарности, опустился на походный трон-кресло, и ладья фараона двинулась дальше, в сторону древней столицы, к каменному лесу ее обелисков.

До пестревшей парусами разных цветов гавани оставалось немного, когда рядом с ними, неожиданно, оказались два крупных судна из числа тех, на которых египетские воины отправляются в боевые походы. Наследнику преградили путь, и он с удивлением услыхал властный с хрипотцой голос, просивший остановить Его Величество свое движение. Мысленно принц был далеко, и грубая действительность повергла его в ступор. Произошла заминка. Этим воспользовались воинственные соседи и быстро зажали изящный парусник между своих кряжистых кораблей. Далее все происходило, как во сне. Противниками оказались хорошо обученные воины. Они лихо расправились с сидевшими на веслах гребцами, терпя небольшие потери от личной охраны фараона, легкомысленно малочисленной. Силы были неравны. И принц, к своему удивлению, оказался в плену.

– Аменрес, – представился старец, сверкая лысой главой, выбритой на жреческий манер, сидя в помпезном кресле в глубокой тени навеса. – Верховный жрец Главного храма Бога Амона Стовратных Фив, – важно продолжил он и злобно добавил: – бывший.

Принц тихо ахнул.

– С момента рождения Вашего Высочества я был отстранен от своей должности, кою занимал не один десяток лет по высокому праву наследования. Ваш отец Аменхотеп III немилосердно лишили меня этого сана, а заодно и нескольких других, особо чтимых при дворе фараона. Я лишился места Визиря Фив, затем обязанностей Главного Хранителя Царской Печати, Золотого Трона Главы Семера, Почетных обязанностей Бога Домов Золота и Серебра. Я вынужден был покинуть Фивы и искать пристанище вдали от любимого града, пред коим заслуги мои велики и неповторимы. Мое место было незамедлительно занято ныне действующим жрецом Панеркамом, и я живу мечтой, чтобы он оставил высокий пост, занимаемый им явно не по рангу.

После сих слов стареющий жрец торжественно умолк.

– Чего ожидает досточтимый Аменрес от меня? – закипая, спросил принц.

– Я видел наследника престола в пеленах рождения, – с глубоким достоинством, выдержав паузу, начал издалека жрец. – Вы несказанно выросли телом и возмужали мыслью. В последнем мне еще предстоит, однако, убедиться.

Он чуть задумался, стараясь поймать взглядом глаза принца, которые тот опустил в пол и не хотел поднимать.

– И если Его будущее Величество выслушает меня до конца и, разочтя выгоду, согласится на сотрудничество со мной, то Его царствование превзойдет все прежние, а Его имя будет блистать спустя тысячелетия, как и имя фараона Хуфу!

– Я слушаю внимательно Аменреса, – все так же, не поднимая тяжелых век, сдержанно ответствовал принц.

Жрец смирился с нежеланием наследника принять игру поединка взглядами и впал в задумчивость.

– После разрыва с ныне царствующим фараоном, – продолжил, наконец, он, – я лишился любимого храма, красота которого переживет века. Можете ли Вы понять, как сильно и длительно было мое негодование, как тяжело мне дались унизительные ритуалы передачи Ключей Казны, снятие с груди Царской Печати, с коей многие десятилетия я разлучался лишь на время сна? И, в довершение всех бед я был лишен сакральных амулетов Верховного жреца Амона!

Аменрес утомленно закрыл глаза. Он знал, что походит на хищную птицу, уставшую от тягот жизни, но которая еще достаточно сильна, чтобы напоследок задать жару всем, кто посмел посягнуть на ее шесток. От него исходило чувство опасности. Жрец умышленно усиливал вокруг себя ее ауру. Ему нравилось наводить страх на всех, с кем он имел дело. Это

вошло в привычку. Отставной жрец был в восторге и от своей внешности. Нос, кривым клювом нависавший над узкой верхней губой и капризно вывернутой нижней, лопатообразный подбородок, сильно выступающий вперед, производили на людей неизгладимое впечатление, а в нем вызывали гордость и чувство превосходства над собеседником. И когда последний встречался со взглядом глубоко посаженных глаз жреца, тускло светящихся в морщинистой нише под нависающей скалой лба, то к этим мотивам прибавлялись ноты оправданного беспокойства и тревоги. Резкие носогубные складки, высокие скулы, впалые щеки, лоб, как поле битвы, испещренный морщинами, точно шрамами, оставленными на том неустанной борьбой мыслей.

– Коршун! Хищник! – внушал Аменрес своим видом, и многие поддавались внезапно возникшей ассоциации, и далее все только усиливало странное впечатление. Внушительных размеров голова, сидящая ввиду отсутствия шеи прямо на полных плечах, ушные раковины – пугающе маленькие и оттопыренные – казалось, живущие самостоятельной жизнью, доводили до совершенства внушенное сходство.

Аменрес притворно вздохнул. Он знал еще и то, что он странным образом походит на Великого Провидца из Града Столбов. И если их поставить рядом, то всякий бы изумился родству и одновременному различию обоих. Бывший жрец Оракула был будто кривое зеркало, в которое смотрится Горатон, – зеркало, в котором все черты Провидца гротескно искажены. Аменрес же, производя невыгодное сравнение, всякий раз чувствовал неприятный осадок в душе. Ему казалось тогда, что он носит в себе некую тайну совершенного злодеяния, тяжесть которого он непременно обязан выявить, достать на свет и хорошенько рассмотреть. Но ему никак не удавалось сосредоточиться и нырнуть в себя на дерзновенную глубину. Он боялся обнаружения страшной правды. Той правды, что заставит его изменить в себе все. До основания. Он боялся обнаружить, что он, как и ныне правящий фараон, царица Тийя с ее братьями и зодчим Хеви – потомок древних пришельцев, а не коренных жрецов Египта. Это было бы крахом и гибелью старого мира. Признай он себя с ними одной крови – пришлось бы подчинить жизнь другой мотивации, которая сотрет Эго отставного жреца Амона. А он дорожил своим Эго, чтил его. Аменрес не верил в возможность большинства людей совершить восхождение по Лестнице Бога. Он не верил в человека, считая животную его природу бесконечно доминирующей силой, способную быть обузданной лишь страхом смертных страданий. Он верил в силу магии и власть золота, и не придавал человеческой любви священного статуса. Бога нужно бояться и трепетать перед Его представителем на земле —жрецом Аменресом!

«Порок на пороке. Еще и деструкторы! Земля – место отбросов – помойка Вселенной. Только страх способен сдерживать от преступных намерений змеиные сердца и тупые души их обитателей. Волею неба мы – пастухи – призваны свыше зорко пасти и жестоко наказывать людские стада, мало отличные от животных. Потому дóлжно нам брать все, что способно украсить и оградить жизнь нашу от толпы, могущей прийти в опасное движение и потребовать соблюдение МААТ и для них. Просветительство бесполезно! Орионцы истину эту вкусили давно, но потомки атлантов, вопреки здравому смыслу, продолжают мутить воду в водоеме с крокодилами, пытаясь выплыть. Горстка идеалистов, честное слово»! – возмущался он.

И вообще. Аменрес не любил Солнце. Он любил ночь. Ночной мрак соответствовал его сути. Ночью ему думалось лучше. Хищник повел клювом и легонько свистнул. Полнеющее тело его было плотно стянуто белым жреческим хитоном из прозрачного, точно воздух, тонкого льна. На смуглой груди красовался массивный – под стать владельцу – золотой Анх, а полные руки украшали широкие золотые браслеты. Вид жреца был спокоен, но крупные пальцы, унизанные массивными кольцами, вцепились в грузные колени и слегка подергивались, выдавая внутреннее волнение хозяина, тогда как широкие ступни ног с фиолетовыми узлами вен, обутые в парадные сандалии, стояли ровно, как у статуи. Незаурядная натура жреца сказывалась во всем. После минутной паузы он продолжил:

– Мне было горько и одиноко. Я страдал. Мемфис стал моей отрадой и последней надеждой, – трагический голос очень шел облику опального Аменреса. С первых интонаций угадывался неподдельный шарм артиста, вошедшего в роль.

– Не всякая боль находит утешение во времени, – доверительным тоном произнес он. – Серьезные накопления позволили мне быть свободным от государственной службы, но привычный образ жизни звал меня к действию. В Мемфисе я нашел недовольных политикой двора и создал круг единомышленников.

Жрец выдержал паузу и пафосно продолжил.

– Аменхотеп III ведет жизнь расточительную и проматывает на пирах и в неразумной благотворительности то, что добыли покойные отцы и деды Его Величества в кровавых битвах. Царица Тийя – умная женщина, но она полностью поддерживает политику супруга-сибарита. Когда я пытался говорить об этом Ее Величеству, говорить весьма тонко и деликатно, прибегая к умелой дипломатии, то был поруган и в итоге изгнан, обвиненный в посягательстве на власть судить и вести дела страны. Мои советы мудрого человека были отвергнуты.

Жрец пришел в заметное волнение.

«Играть так играть. На кон брошено ох, как много!» – мелькнуло в его голове.

– И вот теперь в Вас, престолонаследник, – вдохновенно произнес он, – я вижу светлое будущее Великой империи. Вы – надежда Египта!

Аменрес явно разгорячился и повысил голос.

– Аменхотеп III в узах болезни, и дней Его осталось, будем откровенны, немного. Вашему наставнику – мудрецу Хеви – перевалило за добрую сотню лет, и живет он в духе и его заботами. Бренная материя перестала интересовать мудреца. И Вашему Высочеству он – неважный Учитель.

Аменрес сглотнул слюну.

– Фараон – не жрец. Он – Сын Бога! А это значит, что в Его обязанности входит рождать живое и поддерживать в нем дыхание жизни. Но не с помощью молитв, а копьем и мечом в сильных руках отважного воина. Вы же иссушаете плоть, питаясь мотыльками и абрикосовыми косточками.

На это принц хотел было энергично возразить, но жрец сделал предупредительный жест и надел дружественную улыбку.

– Я пошутил, но должен закончить мысль. Итак, Ваши славные предки знали вкус мяса, сладость женского тела, что, впрочем, знакомо и отцу Вашему и, осмелюсь заметить, во зло употребляемо им. Но в отличие от нынешнего фараона, он ведал вкус крови в битвах за отечество и его славу. Аменхотеп II, чей добрый лук не в силах был натянуть ни один доблестный воин, убивал с десяток врагов лишь одною стрелой, стоя в боевой колеснице и блистая на полях сражений, подобно богу Амону. Исполненный гневом и яростью, он кричал так, что перекрывал рык своего любимого льва, бегущего рядом с ними в боевых доспехах. С неистовой силой, наравне со зверем, царь разрывал на части тела поверженных врагов. Об этом говорят камни стел, и они не лгут, как могли бы подумать потомки. Знаменитая физическая сила Вашего предка, его могучий дух создали целое направление не только в храмовой культуре, но и в литературе. Подвиги царя-воина, не знающего у́стали в преодолении препятствий на пути к победе во славу Отечества, воспеты в гимнах и полны истинной поэзии. Читая эти строки, я будто сам участвовал в одном легендарном походе, когда Великий фараон пересекали на боевой лодке одну из коварных излучин в стране озер. Двадцать отборных гребцов Его Величества выдохлись и были совершенно без сил, и тогда славный Сын Солнца взяли в руки весла рулевого и одни гребли еще добрые сутки, пока судно их не достигло желаемого брега. Это был истинный Бог во плоти! Ни одному смертному такое не под силу.

Аменрес даже встал от волнения со своего кресла. Взгляд его пылал.

Но юноша слушал эту легенду уже в сотый раз и откровенно зевал, выслушивая в сто первый. Предлагаемый жрецом идеал правителя его не устраивал. Бог во плоти ему виделся не с копьем и мечом. Совершенный Человек наследника имел в руках лиру! Или арфу. Сын фараона посмотрел на отставного жреца с недоумением и разочарованием. И тот мигом успокоился, занял прежнее положение и сменил восторженный тон на сухой и деловитый:

– Но вернемся ко дням нашим. У меня для Вас есть предложение. Я не убийца маленьких фараонов. Но положение в стране и мое положение, – жрец выделил голосом последнее слово и, сделав краткую паузу, продолжил: – вынуждают меня прибегнуть к некоторым мерам. Ваше Величество должно все очень хорошо обдумать и вынести решение. Свое решение. Без чьей-либо посторонней помощи. Обстановка для раздумий должна быть идеальной. Абсолютная тишина и полное одиночество. Я долго думал и решил: древний Лабиринт Аменемхета! Кто про него не слышал, кого с детских лет не пугали кошмарами и ужасами, таящимися в его тьме наряду с несметными сокровищами, несущими смерть любому, кто на них посягнет? – Жрец даже приостановил дыхание от наслаждения произведенным эффектом и пристально посмотрел на вздрогнувшего и побледневшего принца. – Да, это целый необитаемый город, – продолжал старик. – Ни солнце днем, ни звезды и луна ночью не заглядывают в его глухие покои. Вечный мрак царит там. Настоящее царство Сокара.

Понизив голос, отставной жрец продолжил:

– А теперь, любезный принц, позвольте перейти к кульминационной теме нашей встречи, запланированной мною годы и годы назад. Сейчас я вручаю Вам выношенный плод многолетних раздумий! – Аменрес на секунду умолк. – Я предлагаю Вашему Высочеству то, пред чем не устоял бы ни один царь, ни один властелин мира. А именно: я предлагаю Вам, – Аменрес взметнул клюв носа вверх, – половину золотых запасов сокровищницы Лабиринта!

Наследник покраснел.

– Это очень, очень большая сумма, – настаивал Аменрес грозно. – Весь Вавилон можно купить. С его царем и наложницами, с золотыми богами и храмами, со всеми князьями и купцами, ремесленниками и рабами, со всеми его сокровищами – вот что такое половина золота Лабиринта – Лабиринта фараона Амнемхета III, царственный мальчик. Ваша жизнь, если отвергнете мой дар, превратится в безумие забытого всеми страдальца, и Ваш труп будет стыть в луже крови, вытекшей из Вашего сердца. Это я обещаю властью опального жреца Оракула!

Аменрес резко поднялся с кресла и вышел, оставив ошеломленного принца один на один со своими мыслями.

Через пару минут появился слуга с серебряной чашей, наполненной гранатовым соком, и с виноградной кистью на золотом блюде. Юноша залпом осушил бокал, в гневе бросил его на пол и тут же упал сам, сраженный глубочайшим сном.

5. ТЬМА ЛАБИРИНТА

Наследник разлепил отяжелевшие после сна веки. В голове его было неприятно пусто. Багровое солнце садилось за горизонт. Он огляделся по сторонам и понял, что несом на паланкине, вполне приличествующем его достоинству, по незнакомой пустынной местности. Великая река с прибрежными пальмами темнела за его спиной, а впереди тут и там мерцали в вечернем свете многочисленные озера. Природа погружалась в глубокие сумерки. Ни людей, ни животных не было видно. Мертвая тишина заброшенного места окружала их. Незаметно он и сопровождавшие его воины приблизились к величественным стенам крупного города и остановились у высокого пилона.

– Вот мы и пришли, Ваше наследное Высочество. Как спали? – с вежливым любопытством осведомился Аменрес, возникший внезапно, будто из-под земли.

Принц в негодовании молчал. Тем временем паланкин опустили, и юноша встал на затекшие ноги.

– Добро пожаловать в Лабиринт! – не дождавшись отклика, гордо произнес жрец Амона.

Громадные врата, отворяясь, тяжело заскрежетали. Вышедший навстречу им мрак невольно воскресил в памяти наследника легенду о Городе Призраков, о его огромном чудовище, стерегущем сокровища мертвого царя и обитающем где-то в гулкой глубине запутанных коридоров, пустынных дворцов и склепах, переполненных пыльными саркофагами. Они вошли. Дохнуло затхлостью от закопченных стен, покрытых ковром иероглифов с шествующими богами, несущими на человеческих телах песьи, птичьи, львиные, крокодильи и змеиные головы. Принцу стало жутко. Он вопросительно посмотрел на своего похитителя.

– Вас проводят в отведенные покои и оставят одного, – произнес жрец невозмутимо и продолжил, – еда и питье будут в минимальном количестве. Не стоит отвлекаться на мимолетные радости бытия, когда решаются вопросы веры и трона. Обильная пища делает ум ленивым и вялым, склонным ко сну, а сны, вызванные испарениями желудка, мрачны, лживы и потому вредны. Вам, кажется, уже знакомы эти истины.

Говоря, Аменрес потирал кончиком мизинца крючковатый нос. Наследнику почудился колкий намек на ночь, проведенную им у Сфинкса.

– Когда Вы определитесь, на чьей Вы стороне, то возьмете в руки горн и три раза выдохните в него воздух Вашего царственого дыхания. Серебряный горн военных походов ждет Вас, сын фараона! Превосходный шанс ощутить себя на поле битвы, пребывая тем временем в относительной безопасности. Не упустите его! – опальный жрец ехидно рассмеялся. – Вы будете услышаны, уж поверьте на слово. Главное другое, – сменив тон, продолжил он строго. – Ваше Высочество уже, вероятно, осознали, что мое предложение касается в первую очередь восстановления мною прав Верховного жреца столицы и прочих должностей, утраченных с Вашим рождением. Отчасти и на Вас, милостивый наследник, лежит вина случившегося моего падения. И потому Вам предоставляется счастливый случай исправить ошибку родителя и не допустить войны Короны и Оракула, – Аменрес грозно сверкнул глазами. – Египтом правит Амон-Ра, и мы все – верные его слуги. В особенности – Главный жрец храма Карнака. Именно он являет народу божественную волю, задавая вопросы Богу и получая ответы. Верховный жрец – проводник Истины. Устами избранного жреца Золотой Овен повелевает страной. И никакого бога Атона! – это даже не обсуждается. Фараон исполняет волю, передаваемую посредством Оракула Амона-Ра. Слышит меня, Сын Солнца? Амон златорогий – царь богов – правит людьми и небом. И не помышляйте о побеге – он обречет Вас на верную гибель уже сейчас. А отказ от моей дружбы, как я обещал накануне, сотрет Ваше имя из памяти потомков!

Принц подавленно молчал. Аменрес, придя в себя, через минуту продолжил:

– План Лабиринта имеется только у двух лиц, – жрец внезапно посмотрел на перстень принца, плотоядно улыбнулся, что-то решив про себя и продолжил вкрадчивам голосом: – Сегодня царевич сам изволит убедиться в страшном величии грандиозного строения. По существующей легенде, много веков назад фараон Аменемхет положил начало возведению Града, должного стать неприступной крепостью-государством. Искать причину, побудившую фараона на сей подвиг, – все равно, что считать на небе звезды. Кочевники, голод, феллахские восстания, эпидемия чумы, оставлявшие пустыми города и деревни. И главное – борьба за власть. А какая власть обходится без наличия в руках золота? Быть может, Аменемхету удалось скопить несметные сокровища? – Аменрес ухмыльнулся. – Не смешите меня, наследный юноша. Фараон Аменемхет – счастливчик! Он нашел величайший клад – золото атлантов. Слыхал ли принц что-либо о секрете царя атлантов, сумевшего наладить добычу золота прямо из воздуха чародейным путем?

Наследник угрюмо молчал. Они продолжали разговор стоя, и это явно утомляло изнеженного юношу, но опальный жрец не замечал того и продолжал.

– Сокровища найденного клада обеспечивали реальную власть, но золото атлантов становилось желанным для многих. Опасную тайну скрыть не удалось. Поползли слухи. Бесконечные убийства фараонов, предшествовавшие вступлению на престол счастливчика Аменемхета, заставили его действовать решительно. К тому же множество городов из числа претендентов на титул столицы устремило алчные взгляды на удачливого фараона. Перечислять?

Понятно, что не стоит. Город-крепость был возведен в местности, окружаемой со всех сторон озерами и искусственно созданными водоемами, делая его неприступным. После печальной смерти Аменемхета, поскольку смерть редко желанна и весела, строительство продолжили родственники фараона. Двенадцать принцев трудились неустанно для семей своих и богов, чтобы те не испытывали нужды ни в чем и смогли выстоять осаду бесконечно долго. Площадь, занимаемая Лабиринтом, воистину огромна.

Аменрес перевел дыхание и откашлялся.

– Сын фараона, минуя сонмы темных дворцов и череду пустынных залов, тысячу крытых дворов с лесом колонн, обойдя тысячи часовен богам, пройдя сады засохших оранжерей и камни обмелевших водоемов, спустившись по узким ступеням каменного колодца, пройдя кротовыми норами усыпальниц, окажется у входа в величайшую тайну! Он узрит, клянусь богами двух Египтов, знаменитую сокровищницу атлантов, охраняемую Демоном Золота, созданным магией Аменемхета!

Последние слова жреца подействовали на наследника, и он вздрогнул. Аменрес, заметив это, улыбнулся одними глазами.

– Лишить Демона Золота его силы – значит увидеть дверь сокровищницы. Но и это еще не все. Нужен ключ, чтобы отворить дверь.

– Вы дадите мне ключ, добрый Аменрес? – засмеялся нервно принц.

– Естественно! Я дам магическое заклятие. Оно поможет. Но существует еще реальный ключ фараона Аменемхета. Да! И надо ли говорить наследнику то, что обладателем ключа является одно единственное лицо? Хранителем сокровищницы золота атланта является жрец Камес. Он рожден в этом подземном городе и никогда его глаза не видели солнечный свет Амона. Вам выпал счастливый случай: встреча с верным слугой древнего мира. И никто, даже сам фараон, не смеет без согласия на то Оракула проникнуть под священные своды Града, чтобы не погибнуть. Но нам с Вами Оракул ни к чему.

Принцу показалось, что старый жрец ему подмигнул.

– У Лабиринта только один Вход. Он же и Выход. Заброшенный Город полон скелетами истлевших покойников, желавших отыскать сокровищницу фараона Аменемхета. Ставшие призраками, рыщут они в поисках клада, ведя бесконечные войны между собой и набрасываясь на новичка, дерзнувшего посягнуть на их богатство. Неусыпно, во главе с неупокоенным

духом основателя Лабиринта стерегут они воистину великое царство золота. Время от времени армия призраков пополняется самонадеянными глупцами, рискнувшими проникнуть незвано в стены проклятого Града.

Жрец многозначительно умолк и прикрыл веки. Принц от негодования утратил дар речи.

– На этом я прощаюсь с Вами. Ваша жизнь – в Ваших драгоценных руках. И должен предупредить об одном коварном свойстве древнего строения. Если не скажу – Вы можете быть сильно напуганы.

Жрец наклонил голову набок – точный коршун – и одним глазом смерил сына фараона сверху донизу:

– Двери! Они ужасно скрипят, когда их открывают. Эхо! – Жрец натянул улыбку на свое лицо. – Приятных минут и часов, наследный принц. Не затягивайте с решением.

Прощаясь, он повернулся грузной спиной к юноше, и тот почувствовал насыщенный цветочный запах благовонных масел, исходивший от тела утомленного годами жреца.

Принц остался в окружении трех слуг – двух факельщиков, идущих следом и одного, шествующего впереди. Они шагали по темным коридорам и залам Лабиринта, и стаи летучих мышей срывались со стен и потолков, испуганные светом факелов, и уносились, хлопая крыльями, в бесконечную темноту просторов подземного царства. Эти кровожадные хищники, на счастье людей, инстинктивно боялись огня. Наследник успел привыкнуть к необычной обстановке и уже подумывал о том, что злостный жрец сгущает краски, дабы нагнать страх, когда неожиданно был оглушен диким ревом, несущимся по всем коридорам, пустынным палатам дворцов, по темным пространствам обители.

«Демон пробудился!» – пронеслось в уме наследника, и он оглянулся в поиске Баст. Но, вспомнив, что оставил пантеру с Хеви, в сотый раз сильно пожалел об этом. А невидимые двери все открывались одна за другой, и рев все усиливался и дичал. Слуги, не обращая внимания, двигались вперед в заданном ритме. Принц жаждал оказаться в тишине и не сбавлял шаг. Неожиданно дорогу им преградил лежавший незнакомец. Еще свежий труп его источал жуткое зловоние. Сын фараона в ужасе отпрянул и потерял сознание.

Тьма, густая, зловещая, отступала. Царственный ноша медленно приходил в себя. Он чувствовал, что лежит на жестком и холодном ложе. С трудом отверз он тяжелые веки и замер от новой неожиданности. Он находился прямо на каменном полу небольшой прямоугольной в плане комнаты, слабо освещенной двумя светильниками, помещенными по правую и левую руку золотой статуи бога Амона, стоявшей в нише.

– Вот так встреча! – тихо ахнул принц и застыл в изнеможении. На жертвеннике пред кумиром плыли голубоватые облака благовоний, и принца вдруг ужаснул вид человека с головой овна. Он почувствовал спазмы в желудке, и его стошнило. Образ божественного монстра, созданного воображением жрецов и скульптора, следовавшего согласно установленному ими канону, внушал жуть и рождал у наследника справедливые вопросы.

– Один из принципов Творца Вселенной – бог Амон, что значит «сокровенный, непроявленный», – вел свою тайную жизнь в свитках папирусов и на священных камнях града Великого Старца. И вот умелые манипуляторы знаниями – фиванские жрецы – в известных целях создали своего бога Амона – бога войны с головой агнца на плечах. Фараон Яхмосе Первый, престол которого находился в незначительном на то время городке на юге Египта, сумел очистить страну от громадного племени гиксосов, грабившего и унижавшего ее два долгих века. Он расширил городские постройки, возвел храмы и вывел город Фивы на столичный уровень мировой державы. Находчивые жрецы тут же воспользовались победой фараона, честь которой приписали бараноголовому кумиру. Но этого им мало. Используя древний трактат о создании Вселенной, они возлагают на «сокровенного» миссию, принадлежавшую до этого богу Ра.

Рожденный таким образом идол носит имя Амона-Ра, жрецы которого постепенно урезают права фараона и, в конце-концов, полностью присваивают себе власть вершить самые важные дела на государственном уровне. Ибо царь богов Амон-Ра говорит с людьми посредством оракула, являя таким образом Волю Бога и становясь непосредственным Судьей в самых важных вопросах мира и войны, возвышаясь и над самим фараоном. Что и подтвердил сегодня Аменрес, угрожая непосредственно мне, наследнику солнечной династии! – негодовал принц. Он поднялся и приблизился к кумиру.

– Семь жрецов несут носилки с Оракулом, и от того, двинутся ли они вперед или назад, зависит судьба вопроса. Считается, что Оракул, открывая свою волю, движет жрецами. Но на самом деле не движим ли он сам своими создателями – лукавой кастой столичных жрецов? Но разве это правильно, разве справедливо? – титулованный юноша смотрел на рукотворное воплощение новаторских усилий жреческой мысли. – Жесток ли создатель Вселенной – Великий Старец Ра? – продолжал вопрошать себя сын фараона. – Предание гласит, что люди, одичав в сердцах своих, стали бесчестить бога Ра, а это нарушало порядок мира и вело назад, к хаосу. Тогда Отец всего живого, дабы восстановить гармонию, позволил Себе гнев и попалил огнем божественной ярости солому – так называется разум, утративший веру в Создателя. Но вот, видя, что остаток человечества, прося пощады, взывает в жалобах и раскаянии, Великий Старец заплакал. Слезы, упав на землю, смешались с нею и стали плотью новых людей, созданных жалостью, милосердием Бога.

Принц в задумчивости опустил глаза.

– Человеку, желающему следовать путями духа, мешают химеры, порожденные жреческой фантазией. Они наполняют лабиринты его ума именами, запомнить которые в состоянии единицы. Как выбраться бедному, неискушенному сердцу из тьмы, населенной звероподобными богами ночного космоса и выйти в свет Дома Сияния? Кто, как не фараон – Сын Солнца, – возвестит Правду народу и освободит его от блуждания среди призраков прошлого? Миром не должен править Страх. Страх магических заклятий. Миром должна править Любовь! Любовь переполняет сердце человека и изливается через Уста в форме Благодарных Молитв, обращенных к Сердцу Творцу веков!

Принц напряженно думал и думал, изредка кидая косые взгляды на золотого идола.

– Что говорить? Мастерство скульптора, призванное убедить в существовании чудовищного бога, было безупречным. Левая нога монстра, обутого в изящные сандалии, решительно выдвинута вперед. Левая рука, согнутая в локте, сжимает золотой посох уас с венчающей его головой волка Упуата – Открывателя путей загробного мира, символизируя бесстрашие. Правая рука, прижатая к бедру, крепко держит золотой Анх. Наследник хорошо разбирался в мистике, посвятив ей под руководством жрецов отроческие годы. И потому короткая юбка синдон, облегающая тело бога и покрытая сверху треугольным передником, не остановила на себе его пристальное внимание. Также и торс, облаченный в защитную кольчугу, имитируя перья богини Нут, оставил его равнодушным. Но амулеты на предплечьях и запястьях фигуры монстра с изображением Ока Гора Уаджат, мистическое значение которого троично и сочетает в себе разум человека, зрение сокола и силу пантеры – качества, как уверяют жрецы, необходимые для посмертного Возрождения души, – вызвали в нем протест.

– Сердце человека, вверенное единому наместнику Бога на земле – правящему фараону, и есть амулет в царстве смерти. Любовь и доверие к Сыну Божьему становится охранной грамотой почившей душе и ведет, отражая препятствия, по крутым ступеням Лестницы в Дом Отца Веков! – вскричал сын фараона в негодовании. – При чем здесь голова овна? Да и ни один из богов пантеона Египта не при чем! Довольно сказок. Пора признать Правду.

Наследник вздрогнул. Ему явственно послышался голос, исходящий от бараноголовой статуи.

«Сын мой! Да узришь ты странствие благочестивых фараонов, которые не перечат воле Бога. Да получишь ты благословение и власть на счастливое царство, и полноту вечной Жизни своего Имени, длящуюся Миллионы лет. Да откроет тебе Верховный жрец Аменрес данной ему властью тайные мысли Бога. Бога царствующего Дома, царя всех богов Египта – Амона-Ра. Да усладишь ты Его сердце своими щедрыми подношениями и да не узришь смерти вовек!»

Голос сей желал завладеть не только слухом, но и всем телом наследника. Страх, холодящий жилы, внезапно подступил к сердцу. Но разум, несмотря на юный возраст, оказывал сопротивление. Тогда возникла острая боль. Принц вскочил и судорожно охватил обеими руками голову.

– Милостивыйй Атон! – позвал он и понял, что потерял голос и просто открывает беззвучно рот, точно рыба, выброшенная на берег Нила. – Хеви, Учитель! – не сдавался он, и тут же обрел дар речи.

«Я пропал!» – молнией пронеслось в его голове.

И одновременно другой Голос – властный и совершенно спокойный – произнес:

– Гони страх прочь. Это лишь начало пути фараона-Феникса. Голос Амона – иллюзия жрецов. Ты слышал про их ловушки, теперь ты узнал уловки манипуляторов в деле. Ты – избранный. Ты знаешь, как поступать, слушая лишь свое сердце – сердце Сына Солнца!

Наследник облегченно вздохнул и смелость духа вернулась к нему. Он обвел взглядом тайную комнату «говорящего бога» и увидел у входной двери золотой кувшин и золотую чашу, стоявшие прямо на полу. Подойдя, он хотел было выпить вина, которое разглядел, но вдруг усомнился и, оскорбленный формой подачи, раздосадованный ситуацией в целом, дал волю чувствам и отбросил приборы носком сандалии, сделанной из кожи свиньи. В мире религиозных символом свинья является животным бога Сета. Совершив это, принц невольно рассмеялся и приписал проявленный гнев богу, олицетворяющему силы хаоса и разрушения, единственному богу, изображаемому на подошве сандалий фараона. Из чего следовало, что, ступая, фараон каждый раз символически участвует в битве света и мрака, становясь победителем последнего. Наследник скрестил на груди руки.

Отправляясь в путешествие, он предпочел взять с собой сандалии, сделанные из кожи, и теперь был доволен. Если бы он предпочел коже свиньи золото, то давно бы стер нежные ступни ног и еще получил бы мозоли на больших пальцах. Золотые сандалии не предназначены для длительных прогулок. Фараоны и их наследники могут ступать только на священную землю храмов и дворцов, а в остальных случаях они обязаны передвигаться на колесницах или на царских паланкинах. Эти правила игры принц давно усвоил, но соблюдал не всегда.

– Царь обязан каждую минуту быть готовым сразиться с хаосом жизни, – заключил он, довольный произведенным выбором. Он посмотрел на пол. Из опрокинутого кувшина вытекло вино, образовав темное, похожее на кровь пятно зловещей формы.

«Все что угодно могло быть там», – утомленно подумал наследник и увидел в углу серебряный горн. Вспомнив слова Аменреса, он вновь пришел в ярость.

– Сердце Бога предлагает мне открыть Аменрес, будто он им владеет. В сердце каждого человека, как маленький ребенок, живет Бог. И тот, кто услышал Голос внутри своего сердца, тот пробудил в себе Бога. И Этого Бога человек должен принести в дар Сердцу фараона, чтобы сотворить Маат. Но Аменрес желает, чтобы в руках Сына Атона сверкал меч завоевателя, а в руках жреца – жезл и бич фараона. Природа наделила меня слабым телосложением, и мне далеко до боевого величия предков. К тому же, я часто сомневаюсь и потому медлю с принятием решений. Я боюсь вида крови, ненавижу охоту, убийства и смерть. Я – за мир без войн и насилий. Атала, победивший дикого льва лирой, а не копьем, – мой идеал! – мужественно произнес принц и в этот миг несказанно похорошел. Он стал будто выше ростом, осанка его обрела царственное величие.

Уверенно подняв горн, протрубил он три раза. И зычные звуки инструмента мгновенно покатились по пустынным закоулкам Лабиринта, множась бесконечным эхом. Наследнику почудилось, что началось землетрясение, и горы сдвинулись со своих мест, и сейчас его накроет лавиной. Он закрыл уши руками и так стоял, в буре и грохоте, пока не открылась дверь и на пороге не возник бывший Верховный жрец.

– Ваше Величество вынесло решение, и каково оно? – дождавшись тишины, вопросил вежливо Аменрес.

Принц, уставший до смерти от шума и голосов разного рода, от напускной вежливости и навязчивости старого политикана, от которого за версту веяло преступлением перед родом человеческим, с досадой изрек:

– Для смещения досточтимого Панеркама с должности Верховного жреца Амона в Карнаке должны быть веские основания, и я, признаюсь, не нашел ни одного из них, кроме того, что Первый слуга Бога ранее занимал должность «носителя опахала» моего отца – правящего фараона Аменхотепа III, Нефер-Неферу-Амон-Ра. Но то ступени иерархической лестницы в порядке принятых страной правил. И я, прежде чем продолжить важный разговор для нас обоих, требую немедленного своего освобождения, свежего воздуха и воды, которую при мне испробует жрец. Я достаточно измучен жаждой и изможден насилием.

Наследник утомленно замолчал, и по всему было видно, с каким трудом ему далась произнесенная речь. Аменрес выразительно потоптался на месте, показывая, что замочил ноги в образовавшейся луже вина, пролитого не случайно, а как месть фараонова, хотя и малая. Но он-де прощает и чувствует, что показательная программа закончена и в самом деле пора переходить к следующей главе жизни великого принца.

6. ЗОЛОТО ЛАБИРИНТА

Аменрес хлопнул в ладоши три раза. Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появился слуга. В почтительно согбенной позе вошел он, держа поднос с двумя серебряными чашами и двумя кувшинами – золотым и серебряным. Лицо молодого служителя имело покорное выражение и глаза его были опущены.

Принц утратил дар речи. Его поразил факт отсутствия грохота.

– Вот так я шутить изволю с дорогими сердцу гостями. Эхо – безусловный житель сих мест, но вполне безобидный. И в моей власти менять силу его голоса. У меня, признаюсь, много фокусов разных. Как-нибудь покажу на досуге, если сын фараона позволит.

Крупными пальцами, унизанными перстнями, Аменрес поднял одну чашу и налил содержимое из серебряного кувшина.

– Лунная вода из источника Хонсу – божественного Сына Амона, лучшая для утоления жажды и очищения от горячих мыслей дня! – сказал жрец и, сделав большой глоток, наполнил вторую чашу.

– Золотой сосуд наполнен водой, взятой из подземного святилища Амона. Это воистину живая вода. Она возродила не одну жизнь. И если бы ныне правящий фараон был благоразумен, то не лежал бы сейчас в немощи, страдая далеко зашедшим недугом. Ведь, чтобы властвовать и повелевать, необходимо поддерживать источник могущества, не правда ли?

– По-вашему, жрец, исключительным источником могущества являетесь вы, Аменрес? Ведь храмы Амона не закрыты. Вот только Вас нет на прежнем месте. Мне жаль, но пока я не в праве изменить положение дел.

Жрец хмыкнул и горько поджал губы в знак понимания. А принц осторожно пригубил лунной воды и, почувствовав ее освежающую прохладу, быстрыми глотками осушил до дна поднесенный сосуд и сказал, что готов продолжить путь.

– Сын фараона не желает воспользоваться удачей и, довольствуясь водой Сына, отказывается испить воды Отца? Неужели Амон ему так ненавистен? – льстиво улыбаясь, вопросил Аменрес, но так и не услыхал ответа.

Покинув комнату бараноголового бога, принц оказался в одном из коридоров Лабиринта, в окружении молодых жрецов. Стройные, как перья богини Маат на ее короне, почтительно расступились они, пропуская человека, тело которого согнули годы.

– Хранитель Лабиринта Камес – единственный, кто различает по звуку собственных шагов и по эху отворяющихся дверей, в какой части сего Града он находится, – с восхищением представил старика Аменрес.

Принц внимательно оглядел Камеса. Время, проведенное во мраке Города Призраков, наложило неизгладимую печать на его внешность. Кожа худого лица походила на стены, испещренные письменами тысячелетней давности, а весь он выделялся среди прочих, как мумия среди живых, и сразу становилось ясно, что Камес – воплощенная жертва, вся жизнь которого без остатка отдана изучению планов пустынных храмов и одичалых дворцов, погруженных в вечную ночь забвения. Камес поцеловал пол у ног принца и, выпрямившись, насколько ему это возможно, склонил голову, давно лишенную волос к правому плечу, и скосил вопрошающе внимательный левый глаз на Верховного жреца. Аменрес утвердительно кивнул, и хранитель Лабиринта ринулся вперед походкой, удивившей принца, не ожидавшего от столь почтенного возраста такой скорости и сноровки.

Они шли и шли по пустым коридорам и темным, ветшающим залам дворцов, но так и не вышли на свежий воздух, как об этом мечтал юный наследник. Миновав еще несколько пустынных и темных обителей, они двигались дальше в пустоте заброшенных людьми и забытых богами строений. Воздух был спертым и крепко отдавал затхлостью, словно настойки и

волшебные снадобья царского лекаря Пентахи. А они все шли в свете факелов, несомых жрецами, вдоль стен и колонн, испещренных иероглифами и рельефами, мимо величественных статуй фараонов с их обожествленными супругами, чьи имена принадлежат камням истории и свету звезд. Порой путников встречали высохшие стволы деревьев давно покинутых садов и растрескавшиеся камни пустых водоемов, с лежащими на дне человеческими скелетами, обтянутыми иссохшей кожей, как и обещал опальный жрец вначале. И вот, когда принц почувствовал, что страшно утомлен, они вдруг оказались у колодца со ступенями, круто ведущими вниз.

– Будьте любезны, наследник, бесстрашно проследовать за мной. И Вы запомните навсегда этот час своей жизни! – произнес загадочно Аменрес и начал спуск вслед за Камесом и двумя жрецами. И принцу ничего не оставалось, как принять предложение. Путь был не из легких. Узкие ступени не знали конца. Спертый воздух вызывал головокружение, но он не хотел просить помощи у врага. Шатаясь, едва не падая, вместе с остальными он сумел достойно преодолеть ненавистные ступени и с радостью ощутил под ногами ровную площадку. Темное пространство, подобно камере пирамиды фараона Хуфу, окружило его со всех сторон, и принц почувствовал себя замурованным заживо.

– Вот мы и у цели, дорогой наследник! – вскричал диким голосом опальный жрец Амона.

Принц вздрогнул. Его глаза, привыкшие к свету факелов, различили несколько истлевших скелетов, прислоненных к стене и застывших в нелепых и страдательных позах.

– Горе рухнуть, Солнцу взойти! – строго воззвал жрец, и в руке его засверкал золотой Ключ фараона Аменемхета. На темной стене высветились очертания двери. Аменрес поцеловал большое рельефное изображение равнобедренного треугольника с сияющим посреди Оком Ра, вставил в зрачок Ключ и повернул три раза. Каменная дверь с глухим стоном отодвинулась, и Камес, и факелоносцы вошли первыми.

Наследник застыл на месте. Его взору предстали сверкающие золотые горы. Тысячи предметов блистали, соперничая в разнообразном блеске и величии. Это были золотые статуи богов, колесницы царей, расписанные золотом погребальные лодки и роскошные ложа фараонов. Тут и там искрились массивные ожерелья, кольца и браслеты, властно мерцали троны из чистого золота, переливались драгоценными камнями короны всех известных и неизвестных принцу царств. Золотые рукояти мечей и наконечники копий, парадные золотые щиты, тысячи священных сосудов и столовых приборов из дворцов и храмов, золотые сандалии и сакральные регалии фараонов эпох, удаленных и забытых. Это были несметные сокровища фараона Аменемхета и его ослепительные тайны. Все горело, цвело самоцветами, разило наповал.

«За владение этими призраками гибли царства, рушились судьбы, перекраивались карты мира и целые континенты погружались на дно океана!» – подумал вдруг принц. Он смотрел на золотое великолепие с охватившим его душу восторгом юности и презрением мудреца. Накатывалось знакомое удушье. Жуткие, невеселые мысли нанизывались одна на другую в голове юного наследника. Он молчаливо созерцал зловещую красоту сокровищ Лабиринта, и яркие блики огней гуляли по бледной и застывшей маске его лица.

«Где-то здесь хранится и золото атлантов – клад фараона Аменемхета, для которого и был сооружен Лабиринт», – подумал принц и мгновенно вспомнил царя Аталу и с ним – гигантского льва, шерсть которого искрилась, подобно живому золоту в солнечных лучах.

«Дух выше души, душа выше тела. Я хотел повстречать Бога. Лицом к Лицу. Все боги были людьми, а люди – смертные боги! Познай эту истину!» – сказал Атала, представ в вещем сне наследнику во владениях Сфинкса.

– Золото! Только оно непреходящая ценность мира! – раздался свирепый шепот Аменреса. – Только оно – твой единственный и преданный друг, твой щедрый покровитель. Золото – твой единый Бог. Твой дух питается им, твоя сила умножается при взгляде на великолепие золотых сокровищ. Что может сравниться с любовью к золоту? Чье нежное сияние дарует сердцу несравнимый восторг неувядающей, нетленной красоты и счастье быть богоравным,

сокрушая империи? Во славу Амона или Атона? Но не все ли равно тебе имя какого бога будет входить в титулатуру твоего имени? Твои статуи фараона, сделанные из чистого золота клада Аменемхета, будут смотреть чрез века и приводить в страх и трепет сердца народов перед Твоим величием, обретшим славу вечности. Вот они – ключи мира – в Твоих, наследник, руках! Вот оно – настоящее творчество: власть! Соглашайся! Только Ты и Я. Только Мы и наш друг Золото. Вместе мы будем править Египтом. К нам, ища защиты и помощи, придут цари мира, привлеченные блеском могущества нашего друга Золота. Мы станем Законом и Силой. В нашей власти пребудут все тайные книги, дающие господство над миром природы и сердцами людей. Нити всех судеб, живущих под солнцем, будут намотаны на большие и указательные пальцы наших рук. О, Великий Господин Золото! Самые красивые женщины возлягут у ног Твоих, сын фараона!

Аменрес умолк внезапно. Он не смотрел на принца. По всему телу жреца пробегали волны дрожи. Он весь покрылся испариной. Рядом с ним стало совсем нечем дышать. Принц не проронил ни звука, и лишь взгляд его выдавал борьбу чувств, происходившую в душе.

Наконец бывший жрец вновь овладел собой и, надев маску бесстрастного оракула, произнес:

– У юного моего друга будет время все обдумать. Вечность не обещаю, но приятную атмосферу гарантирую. А сейчас мы покинем великое капище. Наследник не возражает?

Жрец метнул молнию взгляда на сына фараона.

– Мы идем в мою резиденцию, где я позволю – для блага будущего правителя – преподнести еще один урок Его Величеству, прежде чем он покинет стены моего гостеприимства.

Жрец двусмысленно улыбнулся.

– Чтобы нам не помешали в пути, – продолжил он уже зловеще, – а я знаю, меня известили в том, что Ваше будущее Высочество разыскивают, – мы вынуждены идти этими тайными подземными ходами.

Здесь Аменрес позволил себе рассмеяться, но быстро одумался и в знак уважения принял прежнюю маску сдержанного величия и покорности.

– Путь не короток, но и не чересчур утомителен, – продолжил он. – Расстояние от нашего нынешнего местоположения не превышает трех-четырех часов при быстрой ходьбе. Принц молод, и такая прогулка, хотя и вынужденная, пойдет ему во здравие. Не все же передвигаться на носилках, словно немощному и дряхлому старцу.

На этой фразе жрец снова засмеялся, явно намекая на знакомое обоим лицо. Смех у него был резкий, не сулящий ничего хорошего.

– Перед дальней дорогой я осмелюсь вновь подкрепить наши силы, – сменил он тон на более благожелательный. – Но на этот раз я предлагаю целебный бальзам, составленный из цветов, листьев и корешков четырнадцати трав, сорванных в особые часы суток и различные фазы луны в горах, лесах и тайных оранжереях.

Принц вопросительно посмотрел на Аменреса, и сильное недоверие прочиталось в его глазах.

– Духовный учитель Вашего Величества – зодчий Аменхотеп, сын известного Хапу, – теперь больше занимающийся составлением волшебных смесей из трав, камней и необычных веществ…

– Вы хотите сказать, что к вам попал бальзам Хеви? – удивился принц.

– Да, знахарь и магистр священной магии, именуемый в народе Хеви, сотворил этот воистину божественный эликсир для правящего фараона. Мои люди сумели изъять его из лечебницы дворцового лекаря Пентахи. Самонадеянный врач хранил ее открыто в одном из своих ларцов. Так, без какой-либо охраны. Хотя бы вроде силы заклятия. Так нет. Не стоит пренебрегать нами! Возможности жрецов Амона, как видите, почти безграничны. По крайней мере дворцовые стены им не преграда.

Аменрес самодовольно улыбнулся и потер мизинцем клювообразный нос. Вдруг он испуганно заморгал.

Следы внезапной и сильной усталости накинули смертельный покров на лицо наследника. Большие глаза его распахнулись и застыли в неподвижности, глядя в пространство перед собой. Из гортани его, казалось, рвались наружу, искали себе свободу чувства и мысли, форма которых была страшна в своей непредсказуемости. Это продолжалось с минуту. Потом глаза юноши закрылись, и лицо его совсем скоро приняло обычный свой вид. Все застыли в потрясении. Аменрес стоял, как вкопанный и долго, очень долго молчал. Глаза его – острые и жесткие – сверлили глаза принца, будто желали схватить и похитить через них душу.

– Хотел бы я знать определенно цвет Ваших волос, наследник. Когда Вы имели счастие родиться и меня в числе избранных позвали на смотрины во Дворец, я, к несчастию своему, не смог разглядеть ни пушка на голове новорожденного. Почему бы это? Ваша матушка, царица Тийя – Да будет жить она Миллионы Лет! – говорят, красит свои волосы. Впрочем, она носит дюжину париков.

Аменрес замолчал, поводя клювом хищного носа из стороны в сторону.

– А позвольте узнать, почему приводит в беспокойство жреца Аменреса цвет моих волос? – вопросил принц довольно безразличным тоном.

– Принц знает, в чем дело. Он не может не знать. Так какой цвет Ваших волос?

– Смею разочаровать настойчивость жреца и оставлю за собой право сохранить сие в тайне. Пусть Аменрес гадает в долгие часы бессонницы и мучается этим вопросом, – ответствовал наследник с коварной улыбкой.

– Дорого бы я заплатил за это знание! – не унимался старик.

– В таком случае я хотел бы посмотреть на Ваши волосы, Аменрес!

Принц улыбался.

Жрец взял себя в руки, и зловещая маска спокойствия, одна из дюжины масок, находящихся в запасниках заядлого властолюбца, водворилась на лоснящемся лице.

– Оставим выяснения обстоятельств до лучших времен. Но мы-то знаем нашу тайну, и Вам, наследник, в отличие от меня, есть что терять! – воскликнул вдруг опальный жрец и положил по-братски руку на плечо принца, на что тот удивленно посмотрел, и властный старец вынужден был извиниться за допущенную в обращении фамильярность.

– Что ж, таким образом, мы остановились на бальзаме Вашего Учителя. Осмелюсь предложить Вам оценить его волшебные свойства! – сказал он успокоенным тоном и, растекаясь благожелательностью, открыл небольшую бутыль из толстого синего стекла, все еще находившуюся в его крупных руках. Он налил немного ценной жидкости в маленькую золотую чашечку в форме цветка лотоса, прикрепленную цепочкой к сосуду, выпил, облегченно вздохнул и, предварительно ополоснув «цветок» лунной водой, поднес усталому принцу. Тот выглядел совсем выбившимся из сил и не стал отвергать лекарство.

Тем временем крепкий старик продолжил:

– Пути из Лабиринта подобны паутине. Одни ведут и к Великому Сфинксу, и к его подземным храмам, давно никем не посещаемым. – Жрец с хитрой тревогой взглянул на своего высокого узника и продолжил заговорщицким голосом: – Другие пути представляют дорогу в страну пирамид. Но мы идем в Мемфис!

Аменрес тревожно поднял плечи и словно нахохлился.

– Видите ли, дорогой наследник, я ведь тоже кое-что умею из старушки-магии. Смотрите внимательно! – крикнул он и затем перешел на неразборчивый шепот.

Принц насторожился, неотрывно следя за странными действиями Аменреса. А тот на глазах стал стремительно уменьшаться в размерах.

– Раз! – и его полная грудь покрылась черными птичьими перьями, руки исчезли, а на спине выросли настоящие крылья.

– Два! – Принц опустил взгляд и не увидел ног жреца. То, что недавно было полными ногами крупного человека, стали тонкими, но сильными птичьими лапами с цепкими когтями.

– Три! – На наследника смотрел то ли коршун, то ли ворон с черным клювом, хищно загнутым вниз.

Принц тихо ахнул. В глазах у него поплыли: адское пламя сверкающих сокровищ Лабиринта, каменные стены подземного хода с пляшущими тенями и истлевшими скелетами, восхищенные лица молодых жрецов и спокойно-сострадательный жест старого Камеса.

– Четыре, пять! – Аменрес резко взмахнул крыльями настоящего ворона, взмыл под потолок и, сделав пару кругов над застывшими внизу людьми, раскатисто каркнул, о чем-то предостерегая или устрашая. Затем он со свистом и клекотом устремился прочь и растаял в густой тьме бесконечного Лабиринта.

Камес улыбнулся. Он повернул высохшее лицо к наследнику и ободряющим голосом ожившей мумии произнес:

– Я доведу до места назначения Ваше Величество. Прошу не беспокоиться. Через четверть часа мы встретим людей с носилками, и нам помогут.

Юноша тяжело дышал.

Вдруг из мутного овала зеркала, висевшего на груди Камеса, на бледного принца глянула пылающая золотая голова Овна. Мертвенно и тускло смотрели глаза животного в глаза принца.

И тут же раздались громкое карканье и нарастающий звук хлопающих крыльев.

– Он вернулся! – успел произнести Камес.

Ворон камнем ринулся вниз. Он вцепился когтями в голову Камеса, обтянутую сухой кожей, покрытой, точно чернильными кляксами, старческой пигментацией, и начал костяным клювом долбить его лысый череп и клевать лицо согбенного слуги Лабиринта. Кровь, густая и липкая, залила жреческую одежду подвижника и его магическое зеркало. Кровавые клочья разлетались в стороны, вселяя ужас. Но ворон не унимался. Он слетел на впалую грудь жреца. Глаза птицы лихорадочно блуждали. Кровожадным клювом ворон с силой впился и вырвал с корнем оба глаза безропотной жертвы и проглотил без остатка каждый.

Камес со стоном упал навзничь, и все видели, как тонкой голубой тенью отлетел от него дух жизни и исчез в темной вышине. В душном воздухе повис тяжелый запах убийства. Ворон грянул наземь, стряхнул, будто ветхие одежды, перья и принял облик жреца Аменреса. Бесцеремонно сорвал он с мертвого тела хранителя золотой Ключ от Двери сокровищницы, потряс им в поднятой руке и расхохотался:

– Кто владеет душою Лабиринта? Кто служит настоящему Хозяину, дающему власть над миром? – Взглядом, полным гнева, он уставился в глаза юноши. – Если меня убьют, слышите, принц, никто не проникнет сюда безнаказанно! Да проклят будет! И да выйдет его Ка, и душа его неприкаянная станет скитаться по местам запустения и нечистот!

Голос опального Аменреса эхом разносился под темными сводами, но он сам будто сквозь землю провалился, оставив лежащим труп растерзанного. Никто не издал ни звука. В гулкой тишине, когда любое движение, дыхание и стук собственного сердца воспринимаются как нечто громоподобное, подошли несколько ожидаемых слуг с носилками для Его Высочества. Подобно сомнамбуле, взошел на них наследник и безмолвно повалился. Он рухнул в полном изнеможении и глядел по сторонам отсутствующим взглядом, несомый в неверном свете факелов. Наступая со всех сторон, сопровождали его изображения звероподобных богов и богинь, запечатленных давным-давно на древних стенах, видавших еще не те ужасы жизни. Принц заснул внезапно, и ему снились странные устрашающие стихи:

Пахло по́том, то мочой,
Кровью, ладаном, мышами —
Бог Амон с булавою живой

Шел бессмертными шагами
По пустыне гробовой
Душной, под его стопами.
Кровью бога голубой
Окроплял он тысяч руки.
Из души полуживой
Он вязал узлы и крюки!
Пахло тленом, млеком звезд,
Неба каменной скрижалью.
Окись меди, купорос
Бога голубых волос.
И звенели там легко
Кости духа – серебро,
Плоть дымилась золотая,
Там витала боль живая
И на медленном огне
Все горела, не сгорая,
На зверином молоке,
Соколином языке
Овна голова, пугая!

7. ЯХМЕРИТА

Когда принц открыл глаза, то ему показалось, что он еще продолжает спать. Стояла глубокая ночь. Тело его покоилось на мягкой шкуре леопарда, покрывавшей узкое деревянное ложе, четыре изящные ножки которого традиционно завершались лапами льва, искусно выточенными из благородного черного дерева. Он скорее угадал это, чем увидел. Тьма окружала его, и в ней ожили жуткие воспоминания пережитой ночи. Принц уловил дуновение воздуха на лице, затем услыхал удаляющийся звук хлопающих крыльев.

– Мрак продолжается! – воскликнул он раздраженно и почувствовал разбитость во всем теле. Но не успел он подумать о том, что делать дальше, как загрохотал упавший на пол подголовник, вызвав в душе бурю эмоций, после чего снова восстановилась глухая давящая тишина. Поборов оцепенение и сделав осторожную попытку осмотреть помещение, он понял, что вновь находится в узах. Проверять пространства за пределами комнаты ему не хотелось: мало ли кого он мог повстречать там? Чувство жутчайшей тоски объяло его. Ужас надвигающегося отчаяния устремился прямо к сердцу. Принц ощутил себя слабым, почти ребенком. С проснувшейся надеждой он позвал Баст, но никто не пришел на его зов. Пантеры рядом не было. Все казалось чужим и враждебным – нездоровым, пахнущим колдовством, кровью убитого Камеса, одиноко оставшегося лежать в темноте Лабиринта. Наследник вытянул вперед руки, пробуя воздух. Рядом с его ложем располагался напольный светильник, пламя которого мерцало крохотною точкою размером с гранатовое зернышко и готово было вот-вот погаснуть.

«Глаз кровожадного ворона, терзающего жертву», – снова вспомнил он и подправил фитиль. Огонек светильника ожил и слабо осветил голубые стены, нарисованные на них гирлянды из лотосов, цветов папируса, и знакомую с детства триаду, ставшую ненавистной: бога Амона с супругой Мут и их сыном Хорусом, плывущими в ладье Миллионы лет. Он хотел пить и, к счастью, увидел круглый столик с двумя кувшинами и кистью винограда на серебряном блюде. Принц встал. Ступни ног, утомленные накануне длительными переходами по Лабиринту, ныли. Он запрокинул голову: из маленького окна, расположенного под самым потолком, виднелись звезды. Юноша устало улыбнулся. Вечность была рядом.

– Лунная вода! – принц осторожно, точно держал в руках змею, наполнил серебряный кубок. Вода оказалась тепловатой и то ли горчила, то ли отдавала солью и он, благоразумно, вернул кубок на место, сделав один единственный глоток. Вдруг послышался шорох, и ему почудилось, что кроме него в комнате кто-то есть. Всмотревшись повнимательнее, он действительно заметил туманное пятно в дальнем углу, которое зашевелилось, и стройная фигурка девушки отделилась от стены и застыла в нерешительности. Аккуратная маленькая головка в черном египетском парике с тремя рядами тонко заплетенных косичек была покорно опущена.

– Кто ты? – воскликнул принц в смешанных чувствах и почувствовал, как он раздражен тем, что с ним постоянно происходит нечто непредвиденное, и что у него нет времени подумать о главном: о красоте Нефертити и тайне папируса Ур маа.

– Меня зовут Яхмерита, – голос оказался нежным и без акцента. Я живу в гареме жреца Аменреса. Мне велено исполнять пожелания Вашего Величества, если таковые будут.

Она замолчала.

– А если не буду т? – вопросил он с плохо скрытой неприязнью.

– Тогда меня отравят. Или прогонят. Второе хуже первого, – пролепетала упавшим голосом Яхмерита.

Наследник неожиданно рассмеялся.

– Я становлюсь палачом! Подойди ближе, жертва злодеяний!

Неожиданно повеселев, он сменил гнев на милость и жестом пригласил девушку присесть рядом. В ответ раздался мелодичный звон ножных браслетов и длинных сережек. Когда Яхмерита, осторожно ступая, подошла к юноше, он ощутил облако ароматов, окутавшее его со всех сторон. Сладкое, дурманящее, жутко пьянящее. Девушка подняла глаза, и наследник вздрогнул: это была Нефертити! Кровь ударила принцу в голову. Он порывисто обнял затрепетавшее в его руках тело.

– Нефер! Зачем ты меня разыгрываешь? Как ты здесь оказалась? – удивленно бормотал он.

– Тебе лучше не знать правду. Не сейчас, – быстро среагировала девушка.

– И почему ты одета, вернее раздета, как танцовщица? – возмутился принц.

Серьги, ожерелье, тонкая золотая цепочка пояса на узких вздрагивающих бедрах и ножные браслеты – это все, что было на ней.

– Я хотела тебе понравиться! – последовал ответ.

– Ты – прекрасна! Я люблю тебя! – воскликнул принц и в пылу юной страсти поцеловал горячие пухлые губы, такие близкие и желанные, и в ответ тонкие пальчики маленьких рук сладко обвили его шею.

Ночь близилась к концу. В комнату, через разверстое окно проникли первые рассветные лучи. Принц и девушка дремали под тонкой пеленой эротических переживаний, но когда он повернул к ней лицо, то с ужасом увидел рядом с собой лежащую незнакомку.

– Где Прекрасная? – воскликнул он, закипая.

Девушка, прочитав испуг и презрение в глазах принца, быстро села, поджала колени к подбородку и стыдливо охватила себя руками. В этот момент раздались торопливые шаги и приглушенные голоса, а затем дверь с изображенным на ней Амоном в густой раме иероглифов, распахнулась и в комнату вошла делегация. Первым ступал взволнованный Учитель. За ним стремительными прыжками влетела Баст и, переваливаясь с ноги на ногу, семенил карлик Буба в съехавшем набок паричке. Далее, вереницей, степенно, начался парад: точно длинноногие ибисы, проследовали двое вышколенных молодых писцов с палетками и взглядом, устремленным в вечность; гордо задрав голову ступал чопорный парикмахер с синим париком наследника, насаженным, будто птица Феникс, на бронзовую трость; за ним, вертя круглым задом, плелся «Тот, кто следит за гардеробом Его величества» – томный евнух с ворохом одежды на вытянутых руках; худенький красивый мальчик, носильщик сандалий, с чрезвычайно длинными черными ресницами вошел скромно, глаза опустив долу; возвышаясь надо всеми, в белоснежных чалмах, танцующей походкой, что свойственно этой нации, вошли два высоченных нубийца-опахалоносца; шаркая стоптанными сандалиями, вразвалку, как раскормленная дворцовая курица, грузно ступала бывшая кормилица принца – пожилая полногрудая египтянка, раздобревшая на жирной дворцовой снеди – она несла кувшин с водой для умывания и горшок для утреннего туалета; ей помогали две юные девушки, катившие на тележке бронзовую ванну и полотенца; важно поводя длинным носом прошествовал нарумяненный и напомаженный женственный косметолог с зеркалом и профессиональным сундучком и завершали парад четверо мускулистых египтян из личной охраны наследника, вставшие у двери. В комнате стало жарко и душно от запахов нарда и мускуса, использованных свитой для умащений. Яхмерита задрожала всем телом. Принц старался не смотреть на нее.

– Прости, – сухо бросил он ей. К нему вернулось прежнее раздражение. Амен решительно снял с левой руки золотой браслет и, не колеблясь, отдал его той, кого по неизвестной причине принял за Нефертити. Ему захотелось немедленно смыть с себя ночное преступление, но он знал, что это невозможно. И тогда, впервые почувствовав тоску смертную, он закричал: надрывно, безумно, пронзительно-громко:

– Я нарушил Клятву, Хеви! Да проклят будет тот, кто нарушает Слово Клятвы! Как мне быть? – обрушил на зодчего всю боль наследник.

– Серьезный вопрос, – спокойно ответил мудрец. – Послушай, бывают в жизни такие обстоятельства, когда волей человека овладевает чуждая еиу сила и он, становясь ее пленником, делает вещи, противные сердцу и разуму. Обстоятельства эти называются злыми чарами, колдовством. Жрецы Амона в совершенстве владеют магией обольщения – любовной магией. Они насылают видения, застилая глаза жертвы. Потому то, что произошло сегодня ночью с Тобой, нельзя считать нарушением Клятвы. Ты, Амен, чист!

По мере того, как Хеви говорил, лицо принца светлело.

– Ты меня спас и в этот раз, Учитель! А я уже думал, что жизнь кончилась сегодня ночью! – признался он, обнимая мудреца.

Многочисленная свита слуг невозмутимо молчала, будто ничего не слышала и терпеливо ждала указаний. А пантера Баст, все это время наблюдавшая за сценой со стороны, грациозно приблизилась к Хозяину и принялась лизать колени и руки его шершавым розовым языком, норовя поцеловать в губы и щекоча принца усами. И смешной Буба суетился вокруг, шаркая короткими ножками и что-то возбужденно выкрикивая.

Яхмерите в этой суматохе удалось незаметно выскользнуть. Но Хеви проводил ее девичью фигурку краем глаза. Он знал, что эта ночь будет с продолжением и сюрпризом.

Тем временем наследник начал утренний туалет. Ему вымыли тело, лицо, руки и вытерли досуха тонкой льняной тканью. Затем сделали легкий восстановительный массаж, нанесли положенные умащения из душистого нарда, подвели сурьмой глаза и брови, припудрили все золотой пудрой, сменили парик, вытерли от пыли украшения, поменяли измятый наряд на нежный плиссированный схенти и юбку синдон, полосатый клафт, золотой пояс и, наконец, принц выпил кубок абрикосового сока и съел медовую лепешку в качестве подготовительного завтрака.

– Мне надо многое тебе сказать, Учитель. Ты совершенно прав: Аменрес – настоящий колдун!

– Я знаю. Тебе пришлось крайне тяжело, но ты можешь поздравить себя, поскольку первый этап искусительной магии жреца Тобой пройден. Ты выиграл Первый тур битвы со жрецом Амона.

– Но почему Учитель не вмешался?

Принц застыл в ожидании.

Хеви улыбнулся. Он выдержал небольшую паузу, глядя твердо и нежно в прыгающие перепуганной антилопой глаза принца. Мудрец смотрел до тех пор, пока они, наполненные любовью Учителя, успокоились и принц расслабился.

– После захвата Вашего Величества вероломным Аменресом все гребцы корабля, Буба и остальные слуги пребывали, как они говорили, до самого вечера в полном безмолвии и недвижимости, подобно мертвым в Домах Вечности, поскольку были повержены магией жреца. Когда же они, очнувшись, громко стеная и ударяя себя в грудь, посыпав главы песком в знак величайшей скорби, вернулись на стоянку у Сфинкса, туда, куда Ваше Сияние обещали возвратиться в крайнем случае к утру, я, выслушав их сбивчивое повествование, добавил свои догадки и опасения, и мы тут же отправились в путь.

– Хеви! Как ты мог? Почему ты не предупредил меня, почему не остановил? Ведь ты все всегда знаешь заранее? – принц встал. Он благоухал чистотой, но был явно огорчен и с укором взирал на мудреца. Пантера Баст тихо заурчала и начала тереться влажным носом о бедро хозяина.

Наследник нервно засмелся и рассеянно потрепал круглое ухо животного, нежно поцеловал ее в лоб и протянул обе руки карлику. Исстрадавшийся в разлуке Буба прижался пухлыми

губами к хрупким ладоням принца и перецеловал все перстни на длинных пальцах Хозяина, щедро омывая слезами, бормоча и всхлипывая.

– Как я рад всех вас видеть! Но Учитель не ответил на мой вопрос: почему он не предупредил меня об опасности? Я мог погибнуть! Я находился на волоске от смерти! – не мог успокоиться принц.

– Твоей жизни ничто не угрожало. Ты приобрел бесценный опыт, весьма полезный будущему Аменхотепу IV. И когда Твой ум станет слушать Твое сердце и доверять ему? Но перестань напрасно волноваться. Самое страшное уже позади. Сейчас мы направимся в Град Обелисков, где принц встретится с Ур маа. Давайте же поскорей покинем это место. Здесь воздух пропитан магией жрецов Амона! – предложил спокойно Хеви. – Как я говорил ранее: есть в мире вещи и дела, которые посылает нам судьба в испытание, кои избегнуть невозможно. Не пройдешь одно – не встретит тебя второе. Прятаться от жизни неразумно. Жизнь – это борьба, это выбор и действие. А великая жизнь есть великая борьба. Аменрес – Твой враг номер один с очень давних времен. Со встречи с ним Твоя жизнь изменилась. Ты принял вызов? и война объявлена.

Хеви умолк и прикрыл глаза.

– Я не хочу проливать кровь! Зачем война? – возмутился принц.

– Когда государству угрожает реальное зло, ведущее к гибели народа, – тогда Его Величество обязаны принять меры.

– Бог Амон – зло?

– Фараон всегда должен быть во всеоружии и не ждать, когда Великий Старец пошлет Око Возмездия на неправую руку и жестокое сердце. Но я говорю сейчас о другой войне. О предстоящей духовной битве. Звезды на Твоей стороне.

Жрец помолчал, чуть пожевав губами. Эту старческую привычку стал все чаще у Учителя замечать принц. Тем временем Хеви продолжал:

– Все имеет свой час. Но неразумный торопит время, ошибается и ждет его череда мучительных скитаний. Это как игра в сенет. Кто первый доберется до конца доски? Накапливать знания о жизни, чтобы находить верных союзников в мире хорошо. Но главное – необходимо чувствовать тонкое тело души своей, подобное солнечным лучам, укреплять с ним связь, подчиняя сердце из плоти – золотому и солнечному. Последнее обязательно тому, кто непременно желает выиграть и победить, кто жаждет одержать победу над грубыми привычками тела и собственной души, опутанной срастями, чтобы вывести ее на свет из тьмы лабиринта, называемым земной жизнью! Как Ты думаешь, посильна ли Тебе эта задача? Услыхать внутри себя Голос, значит получить наивысшее благословение и надежный амулет против сил зла.

Учитель сделал паузу и посмотрел на принца, который едва слушал его и добавил:

– Аменрес должен был показать себя!

Зодчий иной раз обращался к наследному принцу церемониально на «Вы», порой подружески говорил Его Высочеству «Ты». Это было их игрой. В завершении разговора он возложил обе руки на голову наследника.

– Как мне стало легко, Хеви! Ты – самый лучший целитель Египта! Дурман и тяжесть исчезли.

– Аменрес пойман и отправлен в Фивы и будет отдан суду Семера. Я думаю, что его ожидает смертный приговор за покушение на жизнь принца. Это ему зачтут как государственную измену.

Наследник не знал: радоваться ему или ждать новое и непредвиденное. И он только спросил:

– Как это?

И получил краткий ответ:

– Ему приготовят яд, и он выпьет чашу самостоятельно.

– Египет – благородная страна! – восхитился сын фараона.
– Бог многомилостив, Ваше Высочество, – отозвался Хеви.
– Так едем?
– В путь!

8. ГОРОД ВЕЛИКОГО СТАРЦА

Обелиски града Великого Старца, точно рубиновые свечи, догорали в последних закатных лучах. В этот призрачный час в окружении многочисленной свиты наследник фараона ступил на легендарную землю древней столицы Египта. Навстречу ему шла праздничная процессия пышно разодетой знати. Заходящее солнце, прощаясь, окрашивало гостей и встречающих в пурпурные тона. Чеканя шаг, шествовали жрецы, неся на плечах солнечную ладью Манджет Миллион Лет с богом Ра. Сделанная из роскошного ливанского кедра, щедро позолоченная и тонко расписанная, она поражала воображение. Символическая встреча древнего Бога Египта и будущего Аменхотепа IV состоялась. Охваченная багровыми лучами заходящего солнца сокологоловая статуя Ра приветствовала преемника солнечного престола. Торжественно отрешенные лица венчали тела жрецов, умащенные священными маслами и облаченные в белоснежные одежды. Внимательный глаз юноши отметил все до мельчайших деталей, и суровый вид слуг бога Ра произвел на него неизгладимое впечатление, которое не сразу рассеялось. Его не взволновал танец жриц богини Хатор, и он будто не замечал их взгляды и улыбки радости, обращенные к нему. Приплясывая, отбивая такт систрами, раскачивали они черные маковки голов на тонких стебельках тел, стремясь привлечь высокое внимание принца. А следом, с повязками на глазах, во тьме вечной ночи, тянулись задумчивою вереницею слепые музыканты с флейтами, арфами и лютнями. Мелодия, производимая ими, и вид их пробудили в наследнике грустные мысли о краткости земного пути, о тяжелой судьбе, выпадающей на долю многих с самого рождения, о невзгодах и тяготах, несправедливо преследующих порой самых честных и благородных, о радостях, которые преходящи, и о мимолетности того, что люди зовут человеческим счастьем.

Вдруг всякое движение прекратилось, и в наставшей тишине Главный визирь города, падая ниц и целуя землю, согласно традиции, воздал Пожелания Миллионов Лет сыну фараона. Принц в ответ пожаловал верному слуге трона тяжелое золотое ожерелье и, вежливо отказав от немедленного визита, стал искать глазами Великого Провидца. Хеви тронул за локоть юношу и тихо спросил, указывая взглядом в сторону:

– Видите высокую фигуру, стройную, как обелиск, с лицом, облеченным печатью подлинного благородства посланника далеких звезд?

– Тот, кто стоит впереди ладьи Бога в накинутой через плечо шкуре леопарда? – Ученик кивнул, слегка щуря тяжелые веки, пытаясь рассмотреть жреца в быстро густеющих сумерках.

– Именно. Ур маа Горатон его имя.

– И он имеет дочь, чье дыхание прекрасней северного ветра? – продолжал проявлять интерес принц.

– Об этом Вы его спросите сами, – мягко ответил Учитель и взглядом пригласил Горатона подойти к ним.

Голос Верховного жреца храма бога Атона понравился великодержавному юноше, и весь облик и манеры пророка вызвали тотчас неизъяснимое никакими словами доверие и всецелую любовь. Но в следующую минуту их знакомство было прервано появлением множества жрецов-факелоносцев, создав вокруг живописную картину, полную быстро меняющихся контрастов из освещенных лиц и тел и теми, что принадлежали глубокой ночной темени.

Наследнику, по распоряжению гостеприимного визиря, был предложен роскошно декорированный паланкин из дефицитного ливанского кедра, торжественно несомый статными нубийцами. Его Величество легким наклоном головы поблагодарил и с царственным достоинством взошел под балдахин. Другие носилки, несколько скромнее, которые несли рабы финикийского происхождения, были предложены Хеви в знак уважения к его многочисленным

заслугам. Карлик Буба смиренно, с чувством глубокой преданности, держал в пухлых ручках письменные приборы и выражал сосредоточенную готовность к исполнению обязанностей, хотя целый штат ибисов следовал по пятам его Хозяина и в услугах карлика никто не нуждался. Опахалоносцы заняли штатные позиции, и в неверном свете факелов царственный кортеж двинулся к Дому Пророка. Пантера Баст и Ур маа возглавляли движение. А высоко в небе богиня Нут царила в одеянии, сотканном светом далеких звезд. И наследник вдруг остро ощутил, что теперь, как никогда, он нуждается в покое и что ему необходим длительный отдых.

Более двенадцати часов провел он на ложе сна. В спальне горел одинокий светильник из полупрозрачного фаянса, бросая нежные блики на маленькую фигурку золотого сокола в нише стены, да тихое урчание телохранительницы Баст разделяло его сон в доме Пророка. К полудню принц все еще находился в объятиях сна, когда солнечные лучи, проникнув чрез единственное окно спальни, окутали лицо спящего. Он открыл веки и улыбнулся.

– Поцелуй Солнца! Отец приветствует Сына, – радостно произнес он и внезапно увидел в проеме дверей мелькнувшую знакомую тень.

– Прекрасная! – воскликнул он, но на его зов никто не явиля. Лишь пантера поднялась с места, подошла и нежно лизнула руку Хозяина.

– Баст! Лучшее в мире славное животное, какое счастье иметь такого друга и защитника, как ты. А пойди, дорогая, и приведи ко мне Нефертити. Сможешь?

Грациозная черная кошка с укоризной глянула на принца и важно вышла из покоев.

– Так-так! – проговорил юноша, вставая в поисках ночной вазы.

Через четверть часа в комнату вошел карлик Буба с двумя юными служанками, которые несли необходимую посуду для омовения. И чуть позже появились Баст и долгожданная Нефертити. По выражению лица девушки и всему ее поведению было заметно, что ее привели сюда силой.

– Я ожидала Тебя встретить тремя днями раньше, наследник престола! – капризно, вместо приветствия, заявила девушка и надула красиво очерченные губки.

– Прекрасная! Если бы ты знала, какие я преодолел препятствия и сколько невзгод претерпел на пути к тебе, ты бы вела себя не так строго, – оправдываясь, обратился принц, краснея и бледнея попеременно.

– Вот еще! Впрочем, прости меня, солнцеликий! Я, правда, ничего не знаю. Мое сердце страдало. А мое лицо – посмотри, оно опухло от слез…

Принц был тронут признанием Нефертити и тоном ее голоса, и чувствовал себя виноватым. Вместо слов он простер руки. Юные создания шагнули навстречу и просто окаменели в объятиях друг друга. Пантера с изумлением наблюдала сцену, а Буба, скромно опустив глаза, сидел в классической позе писца, скрестив короткие ножки. Идиллию прервал вошедший Учитель.

– Мои приветствия наследнику престола и пожелания Миллионов Лет Здравия и Благополучия Его Имени! Великий Провидец предлагает Вашему Величеству совместную трапезу в его парадной Столовой, – приветливо улыбаясь, произнес Хеви.

– Нефертити. Моя Великая супруга. Вот та, с кем я разделял вещий сон в гробнице Хуфу в ночь Великого Сфинкса. Вот та, за кем я отправился, оставив тебя ждать моего возвращения! – горделиво представил принц избранницу.

Мудрец с пониманием склонил голову:

– Милость Великого Старца пребудет с вами, Дети Солнечного Ока!

9. УР МАА ГОРАТОН

Столовая Горатона была просторна, и в ней сладостно пахло цветами и фруктами. Нежная музыка арф и флейт способствовала возникновению настроения тихой радости. Юные музыканты и музыкантши, словно ожившие персонажи фресок, расположились у западной стены помещения. Наследник с интересом посмотрел вверх. Символические изображения парящего в небе сокола, распластавшего золотые крылья, бесконечной вереницею двойников образовывали путь Сынов Солнца. Принц невольно содрогнулся, вообразив, что и он тоже может стать одним из многих зеркально подобных двойников.

– Легион легионов! Где индивидуальность? Который из них царь Атала, а который – Аменемхет или фараон Хуфу?

В задумчивости опустил он взгляд. Золотистого оттенка алебастровый пол с цветочным орнаментом имел в центре квадрат, выложенный красно-коричневой фаянсовой плиткой, окруженный изображениями рыб в синих волнах, зарослей тростника и речным птицами, символически знаменуя земли Северного Египта, питаемые водами великой реки.

– Все как всегда, – разочарованно подумал он. – Ничего нового и здесь, но цветовая гамма гармонична, что радует.

Он ожидал встретить нечто неповторимое в покоях Пророка. После недавних событий его трудно было поразить чем-либо. Нефертити молча наблюдала за возлюбленным, а он, совершенно позабыв о присутствии рядом Прекрасной, с надеждой юности устремился к трем столикам из черного африканского дерева, стоявшим у стены ясного голубого цвета. Подойдя к ним, принц машинально отметил мастерство резчика, создавшего грациозную форму ножек в виде бутонов лотоса.

– Черный в Египте – цвет Возрождения, – отметил он вслух и стал рассматривать остальное, на что падал его внимательный взгляд. Рядом с черными цветками-столиками находились три стула со сложной символикой высоких спинок. Они были покрыты рельефами, представляющими коронованных солнцем синекрылых кобр, священных золотых скарабеев с красными дисками над головами, царей-соколов и богиню Маат с алым пером Правды. Все мерцало золотом, синело бирюзой и волновало блеском драгоценных камней, оживляя, однако, чудовищные воспоминания о Лабиринте. Нефертити продолжала молчаливо следовать рядом, никак не проявляя себя. Она держалась с изяществом, почтительно отставая на шаг от царственного друга. Дом Пророка был ее родным домом, и она не желала мешать знакомству.

Горатон вышел из-за колонны – одной из девяти, поддерживающих потолок, – и сыну фараона показалось, что Провидец соткал себя из воздуха, – таким внезапным и бесшумным было его появление. С достоинством гостеприимного хозяина дома Верховный жрец двух солнечных храмов сдержанно поклонился. Появление Нефертити вместе с наследником вызвало особый блеск в глазах Ур маа, и он велел слуге внести четвертый стул.

– Я восхищен всем, что вижу, но более всего – тем, что предчувствую услышать, – слукавил отчасти принц, занимая центральный столик.

Отметив, что все золотые чаши, блюда и кувшины покрыты росписями, образующими орнаменты из лотосов, Анхов и священных животных древнего бога, он непроизвольно сдвинул к переносице красивые густые брови, отчего лицо приобрело хмурый вид. Космическая символика традиционно присутствовала во всем, служа напоминанием о высоком предназначении души в ее путешествии по лабиринту времени, что, однако, ему вновь напомнило Аменреса и Город Призраков. Следуя дворцовому этикету, сын фараона обязан был начать ритуал трапезы. Но он медлил. Ур маа и Хеви расположились за двумя соседними столиками и застыли в торжественном ожидании. В комнате, помимо них и музыкантов, присутствовали слуги:

шестеро высоченных опахалоносцев, три гибких, как павианы, виночерпия, пять воинов из элитной охраны принца и четверо мальчиков «на побегушках». Карлик Буба с величием, на какое был только способен, запоздало просеменил к столику наследника, но не выдержал и комично плюхнулся на расшитую золотыми нитями шелковую подушку, принесенную для него одним из мальчиков и положенную прямо на пол. Но Буба не пал духом и всем своим видом показывал готовность исполнять обязанности царского писца, что невероятно смешило. Пантера заняла почетное место личного телохранителя по левую руку наследника. По правую расположилась Нефертити. Все молчали. Никто не торопился прервать тишину.

Принц не виделся со жрецом древней столицы несколько лет и теперь с живым интересом, словно встретил его впервые, смотрел на того, желая проникнуть, вскрыть надежно упрятанный тайник – сердце мудреца. Он искал единомышленника, который мог бы дополнить новыми подробностями древнюю историю Египта, поведать о предстоящих испытаниях и, главное, дать подержать в руках таинственный папирус!

Внешность Провидца внушала благоговение, излучала неземной покой и величие своей фигурой, высокой и худощавой. Держался он прямо. Жесты рук, движения головы, повороты тела были скупы, продуманы и символичны. Лицо его хранило печать молчания и напомнило принцу выражение лица бога Птаха, сотворившего мир словом и мыслью. Удлиненных пропорций, смуглое до бледности, традиционно лишенное каких-либо волос, лицо это смотрело внимательно и проникновенно черными агатами больших глаз с тяжёлыми, подведенными сурьмой веками, что усиливало их монументальную выразительность. Будто далекие планеты, они таинственно изучали, неторопливо исследовали вас, воздух вокруг вас и то, что запрятано в центре вселенной вашего ума и сердца, и ничто не могло укрыться от их проницательного взгляда. Тонкий, с характерной горбинкой нос говорил о присутствующей силе духа в человеке, постигшем тайны бытия и глубоко уверенном в своей правоте, а сомкнутые в многозначительном молчании бледные нити губ – о непреклонном и решительном характере. Сходство жреца с высокогорным орлом или коршуном было очевидным, и, по мнению народов Востока, оно являлось отличительным знаком привилегированной породы людей знания.

Наследник перевел взгляд на Учителя, внешность которого нарушала традиционный образ мудреца, и подумал, что правила и рамки, создаваемые тысячелетней историей, устаревали, изнашивались и ломались появлением на горизонте кого-то, кто выходил из их ряда вон. Так, глядя на уцелевший во времени портрет великого зодчего Имхотепа, трудно поверить, что этот маленького роста человек с лицом ребенка являлся величайшим зодчим и мудрецом – высоконравственным существом, каких на земле всегда единицы. Так и Хеви. Невысокий, хрупкого телосложения, двигался он легко, но не без царственной непринужденной грации. Безразличный к роскоши и моде, он много лет подряд ходил в одном облачении. Позолоченный посох, золотой перстень древнего Пророка и ключ Анх, весьма отличный от тех, что носили египетские жрецы, были его единственными сокровищами и постоянными спутниками жизни. Мягкий овал лица, большие грустные глаза, похожие на глаза совы, смотрящие неподвижно и будто в изумлении от той яви, что открывается им, выделяли его среди всех остальных и оставляли в душе неизгладимый след. Хеви говорил редко и только с очень близкими по духу людьми. Красивого рисунка крупные губы были чаще сомкнуты в молчании, словно опасаясь звуком произнесенных слов потревожить тайну, какую мудрец переживает в себе каждый следующий миг. Жрецов в Еипте, подобных Ур маа и Хеви, не было. Эти двое стояли лишь на ступень ниже фараона на божественной лестнице бытия. Аменрес и его окружение опасались их наравне с царицей Тийей и фараоном-«подкаблучником». И потому всеми силами пытались отделить от них молодого, но своенравного наследника.

– Великий Горатон, у Вас очень красивые уши. Я подобных Вашим не встречал ни разу! – неожиданно изрек в восхищении сын фараона и, улыбаясь, продолжил осмотр без всякого стеснения.

Жрец с едва заметным удивлением улыбнулся. Красивого рисунка уши его, чуть заостренные в верхнем арочном изгибе, были плотно прижаты к вискам, а продолговатые мочки, казалось, специально созданы природой для тяжелых украшений. И правда, в левую был вонзен острый, величиной с мизинец, обелиск, тайна которого так волновала Аменреса. Это был магический кристалл, сверкавший на солнце, точно сгусток света. Многих предмет сей наводил на мысль о суровой правде профессии жреца и защитной силе солнечного обелиска. Золотой Шип – так называл его Ур маа – был волшебным жезлом Провидца.

Принц с трудом отвел взгляд от ушей и двинулся вверх, где, венчая лицо, царил первозданный холм творения – лоб. Чисто выбритая голова Пророка в профиль имела форму, заметно вытянутую в затылочной части назад, и напоминала собою эллипс или яйцо мистической птицы Феникс, что усиливало эффект упомянутого выше неземного величия. На вид жрецу казалось чуть более сорока лет. Золотой Анх, покрытый вязью иероглифов, покоился поверх безупречно белых одежд из самого тонкого льна, называемого в Египте – воздухом. Широкие браслеты на сильных запястьях, три перстня сложной символики из драгоценного сплава золота и серебра украшали руки с длинными, будто думающими пальцами. Во всем его облике чувствовалась собранность Ока Ра – недремлющей кобры, раскрывшей капюшон безопасности. И завершал весь образ Провидца крупный алмаз, сиявший в диадеме, опоясывающей голову жреца, будто небесный экватор с неподвижной Полярной звездой. Принц почувствовал тонкий аромат благовоний, исходивший от умащенного тела Пророка. Этот запах показался наследнику знакомым, и он усиленно напрягал память, пытаясь вспомнить, но не мог. Запах волновал и усиливал атмосферу тайны, в которую хотелось бы войти. Исходящая от жреца, она обволакивала, очаровывала и гости поддались ее магии.

– Я сделал открытие. Мы с Вами похожи: у нас одинакового строения головы. Затылок непомерно велик. Раньше, когда я был много моложе, я не замечал, – удивленно произнес принц, завершая затянувшийся сеанс визуального ознакомления. Ему стало наконец хорошо. Он почувствовал себя дома, в родном кругу, в обществе духовно близких людей.

Ур маа широко улыбнулся в ответ, обнажив правильный ряд продолговатых зубов цвета слоновой кости. При этом красиво заиграла ямочка на его аристократичном, раздвоенном подбородке.

– Приходясь царице Тийе старшим братом, легко вывести сходство между дядей и племянником. Видеть же то, что скрывает поверхность, – удел избранных. Умение различать добро и зло, идти в ночи тропою знаний – значит следовать Предназначению. Редкая форма нередко скрывает и редкое содержание, – медленно произнес он, и сказанное лишь увеличило силу его магнетизма, и сын фараона подпал под обаяние дяди.

– Хотел бы я иметь счастье быть не только племянником, но и вашим другом, Ур маа, – сделал неожиданное признание юный родственник, необычайно порадовавшее всех.

– Желание Феникса и желание слуги Атона совпадают, – услышал он в ответ.

– Вот почему и мы с Тобой похожи! – искрясь смехом, шепнула Нефертити и незаметно ущипнула его.

Возникло молчание. Жрец опустил глаза. Нефертити положила свою нежную ладонь на влажную, как ей показалось, руку юноши. Хеви углубился в медитацию и окаменел. Неожиданно лицо Горатона и вся его фигура «зажглись», словно внутри тела взошло солнце, и он заговорил:

– Состояние целостности и первородства: бессмертный АХ дремлет в сердце Сына, как зародыш в яйце. Белый лебедь, плывущий в темных Водах Творения, Солнце и Луна, Земля и Небо, Отец и Тайна Любви, соткавшая Душу Мира – Феникс!

В комнате еще царил полумрак, когда из круглого окна, расположенного высоко в стене, вышел золотистый луч. Он упал на лицо принца, преобразив его так, что смотреть стало невыносимо. Нефертити отшатнулась и закрыла глаза ладонями. Но Баст, внимательно следившая

за превращениями Хозяина, поднялась и, оскалив клыки, зарычала, а вдоль ее позвоночника шерсть встала дыбом и заискрилась голубыми огнями. Кошка почувствовала грозные перемены и приняла позу защиты, желая оградить жизнь Хозяина.

Наследник опустил тяжелые веки и заговорил, страстно и вдохновенно:

– Я был в пирамиде, и я видел Лестницу Ахет в блеске ее величия. Я погружался в хаос тьмы, пронзенный болью преступлений, совершенных человечеством. Убитый и убивавший, предавший и преданный, изгнанный и томимый тоской по Непостижимому, мучимый голодом и жаждой, обретший любовь и снова утративший ее – неужели все это – Я?

Нефертити сидела в полном оцепенении. Пантера напряженно смотрела на Хозяина и вдруг, не решаясь на другие действия, положила голову ему на колени и нежно, успокаивающе заурчала. Буба распростерся ниц и горячо молился. Потом затих и он. В возникшей тишине стали слышны шорохи и звуки, доносившиеся со двора. Вот набежал порыв ветра, и зашумела листва, закачались ветви деревьев, зашуршали веера пальм. Вот захлопали мощные крылья невидимой птицы, совершающей охотничий рейд, и вслед запищала дикая утка, уносимая в поднебесье хищником. Еще с минуту раздавался переполох, но затем и там воцарилось глубокое молчание.

Ур маа начал издалека. Голос его – бархатный, с мягкими модуляциями – завораживал. Принц вначале различал лишь музыку голоса, но постепенно он успокоился и весь обратился во внимание.

– Судьба каждого записана на небесах, и Предначертанное не в силах изменить ни люди, ни боги. Великая Любовь и Великая Вражда вложены в сердце человека с рождения. Их суть: Муж + Жена = Солнце и Встреча со Львом Лабиринта. Тайны сии велики.

Жрец сделал паузу.

– Атум умирает на Западе, и рождается на Востоке бог Хепри, но все это – Единый Ра. Атон— видимое тело Невидимого. Весь космос, все звезды и планеты, любя и враждуя, совершают Плавание, имея небесную карту пути и конечную цель – врата Отчего Дома Сияния. Но не всё творение вернется к Истоку и войдет в вечные покои Отца Веков. Уцелеет число избранных. Фараон – великий кормчий, бессонный пастух, солнце своего народа, золотой Человеко-Лев.

Неожиданно для всех и себя наследник швырнул золотой кубок на пол.

– Как Бог, чья сущность – бессмертие – был убит завистником-братом? Тот, чье тело из золота, кости из серебра, а волосы из лазурита – умер? Что произошло на самом деле, Великий Ур маа? Где таинственный папирус древних царств, свидетельствующий о легендарной истории? Я – потомок божественного Гора или Человекольва? Тогда почему мое тело, как и тела всех предыдущих фараонов, также подвержены тлению, как и тела простых смертных? Какую правду скрывают все эти мифы про расчленение Осириса его братом-монстром, который хуже бешеной собаки и в то же время причисляется к сану божеств? И где его проклятое тело – этого демона пустыни? И почему я – фараон-Феникс, ведущий род от царя атлантов, а не потомок такого же несчастного Осириса, таинственном образом зачавшего Гора в утробе Исиды? То, что рассказано народу и разыграно в официальных мистериях, меня не устраивает, потому что Правды не говорит! В Абидосе, по преданию, была обретена голова Осириса и положена в ковчег. Но там я видел лишь его запеленутую статую: большую – в святая святых храма и маленькую – в золотом ковчеге, покоящемся в ладье Миллионы лет. А легенды про Человекольва зиждутся на твоих рассказах, Хеви. И твой подарок – перстень, действительно уникален, а письмена внутри него рождают во мне священный трепет. Но статую Великого Сфинкса узурпировали потомки Гора. Я понимаю, что жрецы Амона тоже сотворили свою мистерию и, чтобы победить их фантазии, нужно предоставить еще одну, более изощренную, выдавая за Истину с большой буквы? Легенды, одни легенды! И таких в Египте целая плеяда. Каждое

великое царствование фараона складывало, согласно своему взгляду и времени, новую картину мира. Кто мы? Что есть мы, жрецы и цари? И в самом ли деле именем фараона верующий в нас народ возрождается в жизнь вечную в обители Отца веков?

Лицо принца покрылось испариной. Он отпил из кубка, который успел поднести ему слуга и съел несколько виноградин. Ур маа молчал с каменным лицом. Тогда Хеви молвил, обращаясь к Пророку:

– Принц провел в плену Аменреса, в подземном городе, трое суток и насмотрелся, и наслушался многого. Жрец сумел произвести сильное впечатление своей магией. Многое из того, что мы сейчас услышали есть результат этого воздействия.

– Довольно! – вспыхнул принц. – Почему Великому Провидцу не открыть тайну, сказав Правду, а не потчевать мифами иносказаний? – потребовал Ученик, искренне негодуя. – Хеви, ты обещал!

Мудрец пристально посмотрел на Ур маа. Тот сидел за накрытым столом, но к еде он так и не притронулся. Впрочем, как и все. Если не считать трех виноградин, машинально закинутых в рот наследником. Нефертити, прикусив от напряжения губу, старалась ни на кого не смотреть. Чувствовалось, что она напугана. Глубоко вздохнув, Пророк, руки которого ладонями вниз покоились на столе, величественно начал, не поднимая тяжелых век. Нефертити знала, что отец смотрит на свой перстень – такой же странный, как у наследника, но с различием в цвете камней и рисунке. Это были редкие в их стране изумруды. Девушка перевела взгляд на кольцо Хеви и поняла, что все три кольца связывают и совершенный цвет золота – сияющий желтый, и массивная форма в виде пирамиды, но различается цвет и символический узор из драгоценых камней.

– Каждое возникновение имеет начало и конец, – понизив голос, произнес Ур маа. – Атала встретил Гааллу, а потом произошла встреча со Львом, и судьба троих совершилась. Атлантида должна была уйти в прошлое. Рано или поздно. Как и любая вещь, сотворенная во времени. Важно: количество душ, ставших избранниками и качество собранного ими света. Сколько возвратится из числа рожденных к своему Истоку при конечной гибели мира форм? И скольких постигнет горькая участь вечных мук совести, когда ничего не исправить?

Горатон выдержал паузу.

– Наше скромное в числе древнее братство радо приветствовать Феникса. И оно, как и прежде, верит в его силу духа, в его готовность к тяжким испытаниям, в его любовь. Наследник фараона – Избранный, пришедший победить Льва и спасти Египет.

Амен густо покраснел. Он ожидал услышать многое, но встреча со Львом, которого он должен победить, повергла в шок. Потрясенный, он молчал. А Пророк продолжал спокойным голосом, изредка пригубляя кубок с вином.

– Каста избранных, какими считают себя жрецы Амона, давно заняла прочные места посредников бога в сознании египтян, посадив на престол истины своего Оракула. До восшествия на трон Тутмоса III, Оракул Амона решал все важные вопросы. В том числе и вопросы престолонаследования. Последнее помогало жрецам вынашивать далеко идущий план, связанный с захватом короны Египта и совершенным устранением династии фараонов в будущем, оставив за Сынами Бога пост главнокомандующих армией. Политика, которую продолжил Аменхотеп III с Великой супругой Тийей, укоротила их длинные руки и заставила считаться с божественным правом фараона творить волю Единого. Правда такова: храм Амона в Карнаке имеет подземный храм – аналог верхнему и длинную сеть лабиринтов. Пугающе огромную. Я слышал, что один ход ведет к храму Птаха в Мемфисе! А храм великого Ремесленника всегда был связан сетью запутанных коридоров с храмами пирамид, Сфинкса и храмами Ра. Я не говорю об остальных святилищах земли Кемет, потому что это, разумеется, само собой. Таким образом: у жрецов Амона – везде уши и осведомители! Наша обитель Атона в Граде Обелисков или граде Великого Старца, что одно и то же, заново восстановлена твоим отцом. Долгие

века забвения привели в негодность подземный лабиринт, связующий нас с храмами Хуфу, Хафра и Менкаура. Но хему нечер Атона ведут работы: нами сделано подземное святилище Солнечного Диска. Но силы неравны: и в численности жрецов, и в экономических вопросах храмовые комплексы Атона уступают всем остальным. Нас мало. И, чтобы выстоять в неминуемой битве, нам нужны люди, плодородные земли для пастбищ и всей структуры, включая армию наемников.

– Я знаком с талантливым молодым полководцем Хоремхебом. Он возглваляет северные войска на границе с хеттами. С ним мы сумеем договориться. Но мне пока не ясна главная причина, чтобы лишить окончательно бога Амона его статуса главного бога страны. Прошу дать ответ, – заволновался наследник.

– Искренне рад вопросу, дорогой племянник. Дело в том, что бог Амон никогда не приходил на землю. Это полная фантазия ума на тему. Богословская путаница! Египет – древняя страна, и каждая эпоха рождала новые теологии возникновения мира и новых богов, обслуживающих новый политический и культурный центр империи. В резузьтате установилась такая сложая система верований, за которой скрыта, как под землей сокровища, простая истина, знание которой сделает ненужными многие вещи, а половину миллионной армии хему нечер – слуг бога – лишит их привилегий и власти над душами. Истина в следующем:

Сердце идущего путями Солнца не нуждается в знании имен тысячи богов, имен стражей и демонов тьмы, чтобы беспрепятственно перейти порог вечности. Оракул Амона и есть тот Лев, который сидит у источника Истины и не пускает к нему умирающий от жажды народ Египта. Лев, которого должен одолеть фараон-Феникс!

Сын наследника с облегчением выдохнул. Лев в лице Аменреса его страшил многим меньше гигантского Льва царя Аталы. Однако второй реакцией его было недовольство.

– Мне нужен тот самый папирус! – воскликнул он требовательно. – Довольно разговоров. Я не успокоюсь, пока не увижу. Ведите меня в храм немедленно, туда, где хранится эта тайна! – стиснув зубы и вперив неподвижный взгляд в зрачки Ур маа приказывал наследник.

Хеви покраснел. У Нефертити выступили на глазах слезы. Она никогда не слышала, чтобы с ее отцом так обращались: вопиюще непристойным тоном. Буба от удивления вытаращил глаза, а пантера подошла к наследнику, села, закрыв своим телом Хозяина, и зорко поглядывала на присутствующих. Она всегда делала это и не выпускала из поля зрения хрупкую фигуру юноши, где бы он ни находился.

– Вино прибыло с острова Крит. Это настоящие виноградари и добрые волшебники, – улыбаясь, как ни в чем не бывало, произнес Ур маа, тем самым предлагая сменить тему и приступить к позднему завтраку.

Виночерпии, стоявшие до тех пор без дела, оживились. Опахалоносцы усердно заработали, отгоняя залетевших из сада пчел и мух. Но принц был ни жив, ни мертв. Он понял, что по-хамски обошелся с отцом Нефертити и потому не достоин получить тайну богов и ковчега ему не видать. Видимо, соображал лихорадочно он, Ур маа хранит воистину опасное знание или наоборот: все разговоры про атлантов – выдумки жрецов из Града Столбов в пику Уасет. И он решил выждать момент и самому подобраться к ковчегу. Может быть, с помощью Нефертити. Но если Учитель и Пророк правы, то его давний-предавний предок и есть царь Атала? Тот самый, что когда-то пел, сидя верхом на льве, шерсть которого подобна живому золоту? Принц чувствовал, что находится на грани обморока.

– Все, что я узнал сегодня, мне необходимо обдумать в тишине одиночества, – благоразумно сменив тон, спокойно начал он. – Но в настоящую минуту я со всей ответственностью торжественно заявляю: сын фараона встретил свое альтер эго! – сказав, он положил ладонь на тонкие пальчики девушки. Головы старцев обратились к Нефертити.

– Мое желание – обручиться с нею! О чем я ставлю всех в известность.

Наследник соединил свой кубок с кубком Нефертити. Раздался щелчок, похожий на стук яблока, упавшего с ветки на землю. Это развеселило юную пару, и они рассмеялись.

Баст с нежной заботой лизнула колено Хозяина.

«Я буду всегда рядом, несмотря ни на что!» – будто говорила пантера всем своим видом. Нефертити, покраснев от удовольствия, опустила глаза. А жрец Горатон радостно произнес:

– Мы ждали этого часа. Сын фараона и Нефертити, да ниспошлет Бог Атон вашему Браку счастье Миллионы Лет! Да возродится вашим союзом легендарная вера наших предков, вера золотого века Египта: АТАЛА+ГААЛЛА =СОЛНЦЕ!

Слова Горатона потрясли принца настолько, что он чуть не лишили последних сил. По всему его телу волной прошел озноб.

– АМЕНХОТЕПIV+НЕФЕРТИТИ=СОЛНЦЕ! – вдохновенно пробормотал он и, осушив кубок, потребовал наполнить до краев новый и снова выпил.

Нефертити, не мигая, смотрела на Амена, широко распахнув огромные красивые глаза.

– В самых смелых снах я не заходила так далеко! – произнесла девушка. Грядущее ее не то, что пугало, но сильно обеспокоило.

Экзотические фрукты и заморские сладости так и оставались нетронутыми. Тишину прервал Хеви.

– Сегодня мы празднуем начало Возрождения золотого века Египта, и потому я обязан продолжить наследнику историю Человеко-Льва. Всякое событие на земле есть отражение предшествующего ему события небесного. И потому слушайте, древний как мироздание, миф. Можно назвать эту историю и сказкой для взрослых.

Создал Отец Веков космос и его великое множество планет, звезд и галактик и сказал им: живите в любви и мире, радуйтесь и веселитесь и тогда, соблюдая Завет мой, наследуете в конце веков Царство Света. Но не послушались слов Отца планеты и звезды и стали воевать, творя хаос и сея ужас. И разгневался Отец Веков, и пожелал уничтожить мир Творения, и пролил огонь гнева, и много сгорело в огне ярости из его созданий. Но не раскаялись уцелевшие звезды и галактики в преступлении – молчали и думали. И лишь один сын Солнца Ата сокрушался от жалости к гибнущему миру и стал умолять Отца дать ему возможность исправить остаток творения и восстановить в нем мир и порядок. И, не выдержав, заплакал горько Ата, и разнес ветер его слезы по лицу Вселенной, и из слез Аты родились бледные, слепые существа, люди, и заплакал Ата вторично, из жалости к людям. И удивился Отец Веков.

– Вот Сын мой Единственный, чье сострадание спасет от смерти мир, сотворенный мной. Хорошо. Ступай, Ата, и твори мир лучший, чем создал Я.

И склонил Ата свой солнечный лик к земле, где ходили слепые люди.

Но в этот миг прокатился страшный рык по Вселенной:

– Мое Имя Неистовство и Смерть. Я родился из вражды и ненависти и огнем ярости укрепил себя. И буду я убивать все, что смогу, пока не погибну!

Отец Веков обнажил сердце свое и произнес в ответ Новую Клятву:

– Бежит от Солнца холод, и не касается он душ, исполненных солнечным сиянием. Души, идущие путем праведным, обретут обещанный покой Дома Сияния. Собери, Ата, число Света и войди в Дом Мой – и тогда Я сверну Пространство и Время и затворю Двери Мои в Покои Вечности.

Раздались вновь рык и стон, и лязганье по Вселенной.

– Мое имя Мрак! Я наполню сердца людей тоской желаний, ведущих в Мои Обители. И не собрать Ате в его лодку то число!

Сострадательный Ата, видя слепоту и немощь людей, спустился на землю в облике Царя и Царицы и стал учить их творить Добро и Правду, жить в Мире и Любви и воздавать устами Славу Отцу Веков, чтобы быть готовыми к Царству Света, когда настанет Конец.

И зародил Солнце Ата словами, исполненными Любви и Света, в глиняных сердцах людей искру огня. И многие из них прозрели. С тех пор время от времени рождается на земле Солнечная пара Царя и Царицы, чтобы люди помнили свое Призвание. Так пришел Ата в образе Аталы и Гааллы в земли атлантов. И победил Он однажды свирепого льва не стрелою, не копьем, но искусством пения и силою Духа. Это был Атала – первый царь Атлантиды. Люди в память о Его подвиге изваяли статую Человеко-Льва с телом зверя и лицом царя атлантов.

Хеви умолк и многозначительно смотрел на заметно опьяневшего Амена.

– Мне понравилась эта Сказка. Но я хочу больше знать про воды Потопа и о том, что стало с основателями золотого века. Почему история об Осирисе и Исиде запечатлена в храмах и статуях, а об атлантах на земле Египта помнят разве что мои родители и вы, два жреца, сидящие здесь передо мной? – вопросил наследник с серьезной долей скептицизма.

Хеви рассмеялся. Ученик, который никогда не слышал смеха Учителя, насторожился. А Нефертити задумчиво улыбалась, следя за тем, как меняется выражение лица ее жениха.

– Жрецы местных культов, дальним, но прямым наследником которых является Аменрес, совершили мрачный культ жертвоприношения, убив царя и царицу атлантов, – начала Хеви уже серьезно. – И, словно в наказание за то, хлынули на землю Египта небесные воды. Корабль атлантов захватили колдуны, оставив для управления небольшое число из команды пришельцев. На время странствий в водах Потопа распри были забыты. Когда же опасность миновала, то оставшиеся в живых увидели: золотой Человеко-Лев сиял, как само солнце, тогда как местные капища сильно пострадали. Забыв благодарность, жрецы возобновили гонения, вынудив остаток атлантов уйти на юг, что те и сделали. Но вскоре утихшая борьба за лидерство между культами местных жрецов вспыхнула с новой силой. Рождение религии Осириса и Исиды, ставшей впоследствии великой верой египтян в бессмертие души, было вызвано положением людей, утративших духовные ориентиры, когда человеческая жизнь теряла цену и грозило полное истребление человека человеком. Поражение атлантов и дало шанс, как мы думаем, действиям Братьям с Ориона. Получив сигнал бедствия, они пришли в низовья Нила. Но как похожи были между собой в главном: история атлантов Аталы и Гааллы с историей Осириса и Исиды! Сет – убийца брата Осириса – занял место злодея Кары, брата Аталы. И потому, что память в народе о добрых атлантах обрела форму божественного идеала, то ее следовало развенчать до конца, чтобы не мешала новой вере.

Хеви, закашляв, взял паузу. Виночерпий предупредительно наполнил бокал вином, и Учитель, утолив жажду, продолжил.

– Волосы атлантов, это помнили многие, имели все оттенки рыжего цвета, начиная от светло-золотистого и заканчивая цветом спелого граната. И египетские жрецы использовали этот факт в свою пользу. Цвет волос братоубийцы Сета они сделали намеренно красным. Так рыжие волосы атлантов породили миф о бесспорном знаке злодейства. Мистический повод и удачный дипломатический ход одновременно. В Египте объявили охоту на рыжеволосых. Убивали новорожденных младенцев с нежно-розовой кожей. Под руку мстителей подпали и несколько взрослых атлантов. Именно в ответ на преследования и возникла традиция сбривания наголо всех волос на теле и обычай ношения париков. Причина серьезная: многие египетские женщины, вышедшие замуж за красивых пришельцев, рождали детей, имевших весь спектр оттенков рыжего цвета волос. После обряд сей соблюдали строго только в жреческой среде, считая его соблюдением ритуальной чистоты во время богослужения.

– У меня, кажется, волосы рубинового оттенка. Но я по-настоящему их никогда не видел. Каждые два дня ко мне приходит цирюльник и сбривает их начисто. А если у меня волосы просто черные, то я уже не Феникс? – хмыкнул разочарованно принц.

– Много воды утекло. Цвет волос сейчас не имеет значения, – успокоили его оба жреца, а Нефертити вдруг подняла руку с кубком и обратилась с таким предложением:

– Друзья! Я хотела бы призвать нас поднять бокалы за силы Провидения! За верность долгу людей Истины, за Лестницу Восхождения! За зодчего Имхотепа, начавшего путь со скромной должности писца и за созданный им Дом Феникса!

Удивленный принц, успевший сильно захмелеть, поддержал тост, но в глазах его поплыло все: стены, лица, потолок. Нефертити, казалось ему, бессмысленно улыбалась, Баст блаженно урчала, Буба торопливо исписывал листы папируса, поставив рядом с собой пустой кубок и выплевывал виноградные косточки вокруг да около. А поддавшийся опьянению Хеви – впервые за много лет – вдруг снова решил продолжить историю.

– Но атланты, покинув дельту Нила, не исчезли окончательно из Египта. Среди них особыми знаниями выделялся зодчий. С уцелевшими братьями он поселился в окрестностях нынешнего Мемфиса и там создал новую школу жрецов с Учением, по которому Бог Птах – демиург вселенной – «сотворил мир языком и мыслящим сердцем своим». В это время на севере Город с великим множеством Обелисков, возведенный на заре веков атлантами, разросся и в нем выкристаллизовался культ бога Ра с дочерью Хатор и затем, как утверждает легенда, к ним присоединились семь помощников во главе с Осирисом, Исидой и так далее. А много веков спустя в белокаменном Мемфисе явился мудрец-законник Птахотеп, написавший знаменитую книгу «Поучения Птахотепа», ставшую одной из любимой среди фараонов.

– И мною тоже, – улыбнулся принц. – Но я желаю знать подробнее о том, как возникло учение Атона и готов слушать.

– Я ждал этого вопроса. Итак, зодчий Хеммур, буду так называть для ясности эту личность, уничтожил звездолет «Амфибию». От волшебного корабля остались воспоминания и символы правителей золотого века – посох жреца, жезл и его перстень. С уцелевшими атлантами он скрылся в восточных скалах, а позднее спустился на побережье Нила, слившись с небольшим поселением, жители которго, помимо охоты и рыбной ловли, занимались различными ремеслами и тем кормили свои семьи. Осторожный зодчий сбрил начисто великолепные рыжие волосы и воспользовался чудодейственным эликсиром, полученным им в результате сложных мистических опытов. Много времени жил Хеммур, ведя уединенную созерцательную жизнь мудреца. Но однажды Учением о боге Птахе – Творце мира, сотворившем Вселенную силою мысли и с помощью произнесенных слов, – Хеммур вернулся к людям и приобрел славу Пророка. Обладая искусством врачевания, он принялся спасать бедных и больных египтян и тем самым увеличил число верующих в нового бога. Дар чудесного лекаря уберег его от преследования жрецов магических культов страны Двух Земель. Дело в том, что один жрец, весьма влиятельный в Нижнем Египте, вдруг тяжко занемог, и болезнь заставила его поехать в Мемфис. Пророк Птаха сделал настойки, принимая которые больной совершенно выздоровел. И потянулись в Мемфис бесчисленные паломники вплоть до фараона, его жен и царских детей, и стал город впоследствии столицей Египта, и культурное значение его как большого религиозного центра сохранилось за ним навсегда. Зодчий, долгое время живший под страхом смерти, смог наконец свободно вздохнуть и начать строительство храма Бога ремесленников и Творца вселенной – храм бога Птаха. Из небольшого святилища постепенно вырос величественный храмовый комплекс. Помимо врачебных тайн, Хеммур обладал уникальными знаниями архитектора и инженера, полученными им давно, в годы учения на родине. Великий атлант прожил чрезвычайно долгую жизнь и был захоронен с почетом в небольшой пирамиде в окрестностях Мемфиса, которая многие века была посещаема.

Хеви утомленно закрыл глаза. Наследнику показалось, что он уже давно это слышал. Вот только где?

– Учитель, почему сейчас никто не живет так долго, как жил твой Хеммур? Это снова похоже на сказки. Я разочарован!

– Перстень Хеммура с эликсиром опустел, а с ним и бессмертие в теле. И потому сегодня для нас важна каждая минута жизни, – просто ответил Ур маа.

Наследник пристально взглянул на свой перстень.

– Учитель, расскажи про золото атлантов – клад, который будто бы открыл фараон Аменемхет, создавший подземный Лабиринт, находящийся ныне в руках Аменреса и усеяный скелетами искателей сокровищ. Почему отец позволил завладеть Лабиринтом Аменресу?

– Проклятое место! Предыдущие фараоны, прослышав легенду, сначала посылали туда отряды наемников, но всегда что-нибудь случалось, и все люди гибли. В основном на подступах к заброшенному городу. Изувеченными трупами несчастных со следами чумы, лихорадки или насильственной смерти от ран была усыпана земля. Одинокие смельчаки тоже бесследно исчезали. И потому фараоны решили, что будут добывать золото путем военных походов, что и дало положительный результат.

– Но как проник туда Аменрес?

– Это еще один факт причастности его к колдовству. Предтечи Аменреса владеют тайной проклятия, и эти знания они передают из поколения в поколение. Легенды о золотом кладе атлантов, найденным Аменресом, правда наполовину. Настоящим кладом является золото Пророка, – пояснил Ур маа.

– Как это? – искренне удивился наследник.

– Хеммур был великим химиком и он сумел создать все условия для проведения опытов и в Египте, где, втайне с преданными учениками, стал получать золото из руды тяжелых металлов путем обработки ее особой субстанцией. Из добытого золота и были созданы сакральные амулеты фараонов, а также много другого, имеющего священную ценность. Полученное золото пошло и на строительство храмового комплекса бога Птаха, и на щедрое пожертвование в Город Старца. Когда же Хеммур все же перешел воды вечности, преданные ученики принесли в его усыпальницу остатки золотых сокровищ Пророка. А, многим позже, Аменемхет, руководствуясь легендами, послал надежных людей отыскать захоронение, занесенное песками пустыни. Ему несказанно повезло – клад был найден. Это, думаю, и есть золото атлантов Лабиринта, но первоисточник находится в подземном храме Человеко-Льва. Который, однако, должно искать в стороне, а не прямо под статуей.

– Вы бывали там?

– Нет! Потревожить святыню опасно. Жрецы Амона прознают и придут туда, и тогжа много зла произойдет, и Египет погибнет очень скоро! – ответил Ур маа строго.

– Странно. Но в Лабиринте я видел несметное множество предметов культа других царств: короны, троны, амулеты, статуи богов, оружия и так далее. Вообщем, картина ясна. Более или менее. Всех благодарю за красивый миф. Я, кажется, даже поверил. Как поверил в сон у Сфинкса. Нефертити наяву оказалась девушкой из моего сна, ставшего воистину вещим. И она не отрицает наше необычное путешествие. Ведь так, Нефер?

– Чистая правда, мы встретились и вошли в пирамиду Хуфу, чтобы исследовать его саркофаг! – улыбаясь, призналась Нефертити и слова ее были встречены одобрительными кивками старцев.

– Но неужели золото Пророка так и будет спать в Лабиринте под неусыпным взглядом колдуна? Где справедливость? – снова позволил себе возмутиться наследник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.